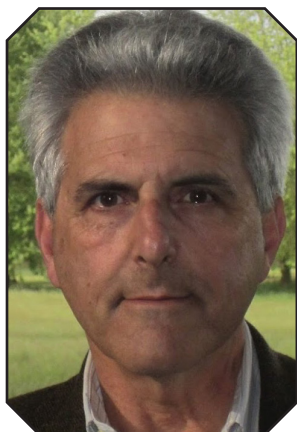

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Н. Флигстин, Д. Макадам

Теория полей

ФЛИГСТИН

Нил — профессор факультета социологии Калифорнийского университета в Бёркли (США). Адрес: 410 Департамент социологии, кампус Калифорнийского университета в Бёркли, CA 94720-1980, США.

Email: fligst@berkeley.edu

Источник: Флигстин Н., Макадам Д. (готовится к публикации) *Теория полей*. М.: Издательский дом ВШЭ; перев. с англ. Fligstein N., McAdam D. 2012. *A Theory of Fields*. New York; Oxford: Oxford University Press.

Перев. с англ. Екатерины Головлиницыной

Науч. ред. перевода В. Радаев

Главная цель этой книги — представить целостную теорию, которая объясняет, как действия социальных акторов способствуют стабильности и порождают изменения в условиях определённых социальных ограничений. В основу теории положено представление о полях стратегических действий (strategic action fields), которые можно определить как социальные порядки мезоуровня, выступающие основным структурным элементом политической и организационной жизни в современной экономике, гражданском обществе и государстве. Каждое отдельное поле рассматривается как укоренённое в более широкой среде из множества смежных полей. А ядро теории составляет раскрытие того, как укоренённые в том или ином поле социальные акторы меняют его и поддерживают в нем социальный порядок.

Выработанный подход опирается на внушительный пласт работ, выполненных в рамках таких направлений, как экономическая социология, институциональная теория в социологии и политической науке, а также на исследования социальных движений. Журнал «Экономическая социология» публикует первую главу «Суть нашего подхода». В представленной главе намечаются важные особенности подхода и показывается, чем его новые элементы отличаются от существовавших прежде, в том числе от теории Бурдьё, теории Гидденса, институциональной теории, сетевого анализа и теории социальных движений.

Ключевые слова: институциональная теория; социальный порядок; социальные изменения; теория полей; стратегическое действие; социальная структурация.

Глава 1. Суть нашего подхода

Объяснение социальных изменений и социального порядка — одна из вечных проблем социальной науки. Главная цель этой книги — представить целостную теорию, которая объясняет, как действия социальных акторов способствуют стабильности и порождают изменения в условиях определённых социальных ограничений. При разработке нашего подхода мы опирались на внушительный пласт работ, выполненных в недавний период в рамках таких направлений, как экономическая социология, институциональная теория в социологии и в политической науке, а также исследования социальных движений. В дополнение к этим основаниям мы вводим в теорию ряд новых важных элементов. В данной главе мы наметим наиболее важные особенности нашего подхода и покажем, чем его новые элементы отличаются от существовавших прежде. Но для начала выделим три главных компонента нашей теории.

МАКАДАМ Дар — почётный профессор социологии им. Рэя Лаймана Вилбура Стэнфордского университета. Адрес: США, CA 94305-2047, г. Стэнфорд, ул. Джейн Стэнфорд Уэй, д. 450.

Email: mcadam@stanford.edu

Во-первых, в основу теории положено представление о *полях стратегических действий* (strategic action fields), которые можно определить как социальные порядки мезоуровня, выступающие основным структурным элементом политической и организационной жизни в современной экономике, гражданском обществе и государстве. Причины стабильности и изменений на уровне отдельных полей рассмотрены в работах ряда исследователей (см.: [DiMaggio, Powell 1983; Scott, Meyer 1983; Bourdieu, Wacquant 1992; Fligstein 1996; 2001b; Martin 2003]).

Во-вторых, мы рассматриваем каждое отдельное поле как укоренённое в более широкой среде из множества *смежных* и *отдалённых полей* (proximate or distal fields), а также государственных структур, которые, в свою очередь, тоже являются сложными системами полей стратегических действий. Многие возможности и вызовы, с которыми сталкивается поле, проистекают из его отношений с этой внешней средой. Кризисы и возможности для конструирования новых или трансформации существующих полей стратегических действий обычно возникают в ходе дестабилизирующих изменений, происходящих в смежных государственных и негосударственных полях.

Наконец, в-третьих, самую важную часть теории составляет раскрытие того, как укоренённые в данном поле социальные акторы меняют это поле и поддерживают в нём социальный порядок. В то время как многие другие теории ставят на первое место интересы и власть, мы полагаем, что на самом деле стратегическое действие в полях возникает в результате сложного сочетания материальных и «экзистенциальных» соображений. Опираясь на представление об «экзистенциальных функциях социального», мы выстраиваем микрооснование теории, которое учитывает саму суть человеческой социальности и связанную с ней способность человека к стратегическому действию. В свою очередь, это микрооснование помогает сформировать нашу концепцию «социального навыка», который мы определяем как интересубъективное размышление и действие, задающее набор смыслов, интересов и идентичностей для достижения коллективно значимых целей.

При разработке нашего подхода мы во многом опирались на опыт эмпирических и теоретических исследований в таких областях, как изучение социальных движений, теория организаций, экономическая социология, а также исторический институционализм в политической науке. За последние 15 лет появился обширный корпус работ на стыке теории организаций и исследований социальных движений (см., например: [Jenkins, Eckert 1986; Fligstein 1990; 1996; Davis, Thompson 1994; Stryker 1994; Minkoff 1995; Clemens 1997; Cress 1997; Haveman, Rao 1997; Brown, Fox 1998; Dobbin, Sutton 1998; Kurzman 1998; Strang, Soule 1998; Davis, McAdam 2000; Rao, Morrill, Zald 2000; McCammon 2001; Swaminathan, Wade 2001; Armstrong 2002; Binder 2002; Moore, Hala 2002; Smith 2002; Creed 2003; Lounsbury, Ventresca, Hirsch 2003; Morrill, Zald, Rao 2003; Clemens, Minkoff 2004; Campbell 2005; Davis et al. 2005; McAdam, Scott 2005; Schneiberg, Soule 2005; Rao 2009; Weber, Rao, Thomas 2009]). Во всех этих направлениях, будь то теория социальных движений, экономическая социология или институциональный подход в политической науке, исследователи пытаются понять, как органи-

зациям удаётся контролировать и менять свою внешнюю среду. Все стараются разобраться, как устанавливаются «правила игры» и кто в результате становится победителем или проигравшим. В основе всех подобных поисков лежит фундаментальная проблема коллективных стратегических действий. Исследователи стремятся понять, каким образом актерам удаётся сотрудничать даже в ситуациях конфликта и конкуренции, как подобная кооперация может приводить к возникновению более масштабных «арен действий» (*arenas of action*). Всем очевидно, что во времена значительных перемен возникают новые способы организации «культурных рамок» и «логик действия» (*logics of action*). Их вырабатывают квалифицированные социальные акторы, иногда называемые институциональными предпринимателями, чья цель — привносить нечто новое, продвигать изменения и налаживать работу полей стратегических действий.

Однако, несмотря на взаимное внимание и многочисленные отсылки к работам из смежных направлений, набирает силу тенденция к специализации в рамках своей дисциплины и её более узких областей, что разобщает научную мысль, затрудняет синтез и построение интегрирующих теорий. Если говорить только о социологии, разделение труда между её направлениями превратило большинство из нас в специалистов по эмпирическим исследованиям, а специфичные для каждой области понятия, идеи и даже методы по большей части лишь затрудняют создание целостного дискурса. Специализация эмпирических исследований несомненно принесла определённую пользу. Но у неё есть свои пределы. На наш взгляд, стоит внимательнее изучить то, что объединяет области социологического знания. Мы уверены, что происхождение большинства применённых в этой книге концепций можно проследить в исследованиях социальных движений, экономической социологии и институционального анализа в политической науке. Это объясняется тем, что исследователи в каждой из этих областей открыли свой особый аспект фундаментальной социальной реальности, составляя вместе своего рода общую теорию социального действия, элементы которой мы привлекаем для построения нашего теоретического подхода.

Полезно посмотреть, что объединяет эти исследовательские направления. Все они обращают внимание на возникновение, стабилизацию и (или) институционализацию, изменение социально конструируемых арен действия, где укоренённые акторы конкурируют за материальные и статусные вознаграждения. Политическая социология преимущественно концентрируется на изменениях и устойчивости институтов и учреждений государства и их взаимосвязях с гражданским обществом. Была проделана большая работа, чтобы показать, что государство действует как совокупность организаций, а влиятельные негосударственные акторы пытаются решать свои проблемы за счёт государства (см., например: [Evans, Rueschemeyer, Skocpol 1985; Laumann, Knoke 1987]). В свою очередь, исследователи социальных движений преимущественно изучали, как воспринимаемые угрозы и возможности ускоряют мобилизацию новых акторов, способных дестабилизировать ранее сложившиеся социальные институты и поля [Tilly 1978; McAdam 1999; Goldstone 2004; Tarrow 2011]. Теория организаций обычно занимается проблемами возникновения и распространения формальных организаций и тем, какую роль в этом процессе играют внешняя среда, ключевые акторы и государство [Scott 2001]. Экономическая социология сосредоточена на формировании рынков, а также на роли фирм и государства в их конструировании [Fligstein 2001b]. Исторический институционализм в политической науке стремится проследить возникновение институтов в ответ на постоянно появляющиеся конфликты и проблемы координации и объяснить, как они воспроизводятся (или не воспроизводятся) с течением времени [Steinmo, Thelen, Longstreth 1992; Mahoney, Thelen 2009].

Во всех этих направлениях внимание исследователей привлекает способность акторов участвовать в успешном коллективном стратегическом действии в рамках конструируемых социальных порядков. Область действия, в которой расположены все эти коллективные акторы, мы называем полем стратегических действий, когда область внятно определена, или неорганизованным социальным пространством, когда у области отсутствуют явно очерченные границы.

Также исследователи во всех этих направлениях уделяют особое внимание государству. Применительно к политической социологии и исследованиям социальных движений природа этого интереса очевидна. В теории организаций и в экономической социологии государство рассматривается преимущественно как внешняя сила, которая устанавливает конституирующие правила для организаций, обеспечивает исполнение этих правил и создаёт среду, где действуют организации [Fligstein 1990; Dobbin 1994]. После многих лет превознесения структуралистских подходов к изучению действия все направления одновременно переживают всплеск интереса к роли культуры. В последние годы культура как понятие потихоньку вернулась в политическую социологию и в политическую науку (в особенности, в исторический институционализм). Понятие «культура» также является центральным для институционального подхода в теории организаций [Powell, DiMaggio 1991]. Начиная с середины 1980-х стал очень заметен «поворот к культуре» в изучении социальных движений, выразившийся прежде всего в повышенном интересе к роли процессов фрейминга (*framing processes*) в коллективном действии [Snow et al. 1986]. Но, как мы покажем далее, социологам не удалось далеко продвинуться в концептуализации социального пространства, и к тому же понимание культуры в современных работах по упомянутым научным направлениям оказалось во многом обеднённым. Далее в этой главе мы ещё вернёмся к данному вопросу.

Проблема состоит в том, что отдельные элементы (коллективное действие, социальное пространство, культура, организация, государство и мобилизация) ни в одном из упомянутых выше направлений не объединены в целостную теорию. Как правило, исследователи не ограничиваются изучением какого-то одного эмпирического явления, но пытаются также выработать и теоретический взгляд, который, однако, принимает в расчёт лишь часть этих элементов. Это объясняется тем, что каждое такое направление часто требует пристального внимания к весьма узко определяемым эмпирическим явлениям. Исследователи же почти не занимаются построением теорий, предлагающих более общий взгляд на проблему и соединяющих все эти элементы в некую систему. Именно в этом во многом и состоит задача нашей работы.

Мы также хотим переосмыслить проблемы взаимосвязи действия и структуры [Giddens 1984; Sewell 1992] и связей между макросоциальными процессами и взаимодействиями на микроуровне [Coleman 1986; Alexander et al. 1987]. В социологии принято постулировать, что люди опутаны социальными структурами, которые они не могут контролировать, потому что существуют эти структуры на другом уровне — выше или вне досягаемости человека. Такое допущение оставляет людям слишком мало пространства для автономных действий и превращает их в чистые объекты контроля со стороны внешних социальных сил. В числе примеров подобных структур назовём классовую систему и патриархат. Авторы, изучавшие проблему связей макро- и микроуровней и, в частности, проблему структуры и действия, стремились понять, как же индивидам удаётся действовать вопреки макропроцессам и (или) структурным ограничениям. Исследователи также пытались разобраться, при каких условиях акторы извлекают для себя пользу, а при каких проигрывают в соперничестве со структурами, при каких способны успешно противостоять структурам и создают альтернативные порядки.

Хотя эти изыскания помогли прояснить ряд вопросов, в целом они остались крайне абстрактными по своим ориентациям. Например, дискуссии о соотношении структуры и действия удачно высветили тот факт, что структурные подходы недооценивают роль акторов в воспроизводстве повседневной жизни [Giddens 1984]. Каждый раз, отправляясь на работу, мы воспроизводим ту роль, которую играем в системе трудовых отношений. Если хотя бы некоторые из нас решат не ходить на работу, значительная часть социальной жизни вскоре остановится. Однако в ряде других отношений дебаты о структуре и действии оказались не столь плодотворны. Дискуссия велась на весьма абстрактном уровне и настолько была оторвана от эмпирических исследований, что не породила ни одного нового исследовательского направления в социологии. В результате центральные понятия — «структура» и «действие» —

остаются недостаточно чётко определёнными с эмпирической точки зрения. Несмотря на усиленное внимание к идее сопротивления акторов воздействию структур, очень невелико продвижение к собственно социологическому пониманию того, как акторы своими действиями подкрепляют структуру и какова их роль в поддержании или изменении структуры с течением времени. Мы только приступаем к теоретическому осмыслению сложной динамики возникновения и институционализации, устойчивости и изменений, разрушения и стабилизации в конструируемых социальных мирах. Хотя исследователями и предложена идея институциональных предпринимателей как агентов изменений, мало кто задумывался, какой именно вид социальных процессов и навыков помогает им получать желаемое или успешно противостоять власти других акторов. Также налицо недостаточное внимание к тому факту, что возможности и ограничения, задающие перспективы стратегических действий в социальных полях, решающим образом зависят от сложного переплетения связей конкретного поля стратегических действий с другими государственными и негосударственными полями.

В работах по теории организаций, в историческом институционализме и экономической социологии все эти вопросы затронуты самым непосредственным образом. Их авторы стремились понять, как акторам удаётся создавать устойчивые социальные миры мезоуровня. Исследователи в данных направлениях долго и напряжённо размышляли о том, как строятся, поддерживаются и разрушаются подобные порядки. Они выяснили, что самый плодотворный способ продвинуть дискуссию о действии и структуре — создать теорию действия мезоуровня, а для этого необходимо определиться с социологической теорией акторов. В теории действия мезоуровня предполагается, что действие совершается как между организованными группами, так и внутри них. Мы считаем, что более чёткое понимание роли социальных акторов в производстве, воспроизводстве и трансформации своих локальных полей действий даст эффективный инструмент для изучения множества основополагающих проблем социальной жизни.

Наконец, рассмотренные выше научные направления объединяет стремление разрешить проблему социальных изменений. С одной стороны, многие аспекты социальной жизни кажутся совершенно неизменными на протяжении жизни человека и даже нескольких поколений. С другой стороны, изменение часто принимается как неотъемлемая часть социальной жизни. На наш взгляд, между этими двумя взглядами нет противоречия. Мы полагаем, что стабильность относительна и достигается лишь за счёт напряжённых усилий акторов по воспроизводству своего локального социального порядка. Таким образом, даже в более или менее стабильной обстановке акторы вовлечены в непрерывный процесс корректировок (*adjustments*), в ходе чего происходит частичное изменение конструируемых социальных миров. Квалифицированные социальные акторы стремятся улучшить своё положение в существующем поле стратегических действий или защитить свои привилегии. В известной степени изменения происходят непрерывно.

Ещё труднее оказался вопрос возникновения новых социальных «арен», или полей. В этом случае мы имеем дело сразу с двумя смежными задачами. Первая из них — определить условия, при которых происходит появление нового. Вторая задача — создать теорию действия, реализуемого в этом процессе. Как создаются новые поля, кто их создаёт и с какими целями? Если вести отсчёт хотя бы с 1960 г., мы увидим, что ответ искали многие авторы в политической науке, политической социологии, теории организаций, теории социальных движений и в экономической социологии. В последнее время в ряде подходов начали придавать особое значение роли фрейминга и предпринимательства. Любопытно, что в итоге исследователи разных направлений, не сговариваясь, поместили именно эту пару элементов в центр своих трактовок проблемы соотношения микро- и макроуровней, а также соотношения структуры и действия. Такой пример конвергенции подходов внушает надежду на возможность выработки единого теоретического представления о стратегическом коллективном действии в социальных полях.

В этой книге мы намерены предложить общую теорию социального изменения и стабильности на основе представления о том, что социальная жизнь происходит под влиянием сложного сплетения полей

стратегических действий. Надеемся, что наш подход заполнит значительный концептуальный пробел в современной социальной теории. В социологии теория оказалась самостоятельной областью, почти полностью отделённой от эмпирических исследований. По замечанию Габриэль Абенд, существует не менее семи различных представлений о том, что такое теория [Abend 2008]. По мере возникновения новых областей исследований множилось и число специализированных теоретических схем, призванных объяснить то или иное изучаемое эмпирическое явление. В результате сегодня в нашем распоряжении есть обособленные «теории» (а точнее, векторы исследований) социальных движений, организаций, религии, культуры и так далее. Но всё чаще мы понимаем, что этого мало, что эти теории недостаточно общие, чтобы охватить в целом структуру современного общества и задающие её формы действия. Наш подход, надеемся, поможет в разрешении этой проблемы.

Безусловно, *есть* ряд теорий, которые предлагают достойные альтернативы нашему подходу. В их числе — новая институциональная теория в исследовании организаций, теория «структуриации» Энтони Гидденса и наиболее близкое к нашему подходу исследование Пьера Бурдьё о роли габитуса, поля и капитала в социальной и политической жизни. Мы привлекаем отдельные элементы этих альтернативных подходов и с уважением относимся к научным притязаниям их авторов. Однако в то же время мы полагаем, что ни одна из этих альтернатив не решает стоящую перед нами задачу — объяснить структуру и источники изменения и стабильности институциональной жизни в современном обществе.

Для начала кратко обозначим ключевые компоненты нашей теории. Затем на этой основе изложим своё видение причин появления, устойчивости и изменения полей. В завершение приведём критический разбор некоторых альтернативных теорий в современной социологии.

Ключевые элементы теории

В этом разделе обозначим и кратко опишем ключевые компоненты нашей теории. В последующих главах эти идеи будут рассмотрены подробнее. Мы выделяем следующие семь ключевых элементов:

- поля стратегических действий;
- доминирующие игроки (*incumbents*), претенденты (*challengers*) и управленческие единицы (*governance units*);
- социальные навыки и экзистенциальные функции социального;
- внешняя среда поля;
- внешние шоки, мобилизация и зарождение противоборств;
- ситуации столкновения;
- стабилизация (*settlement*).

Рассмотрим каждый элемент.

Поля стратегических действий

Мы придерживаемся позиции, что поля стратегических действий являются основными звеньями коллективного действия в обществе. Поле стратегических действий представляет собой сконструированный социальный порядок мезоуровня, к которому акторы (индивиды или коллективы) привязаны и взаимодействуют друг с другом на основе разделяемых (хотя и не консенсусных) пониманий о предназначении данного поля, об отношениях к другим акторам в данном поле (включая то, кто и почему обладает властью), о правилах, регулирующих легитимные действия в поле. Устойчивым следует считать поле, в котором акторы способны воспроизводить свои позиции и само поле на протяжении достаточно продолжительного времени.

Все коллективные акторы (например, организации, кланы, цепи поставок, общественные движения, системы государственного управления), в свою очередь, состоят из полей стратегических действий. Когда эти поля организованы в формальную бюрократическую иерархию и каждое поле укоренено в других полях, получающаяся в итоге вертикальная система во многом напоминает матрёшку: в каждое поле вложено множество меньших по масштабу полей. Так, например, отдельный офис данной фирмы представляет собой поле стратегических действий. Оно, в свою очередь, размещено в пределах более крупной структуры в фирме, скажем — в составе департамента, который соперничает за ресурсы с другими департаментами в структуре фирмы. В ещё более широком контексте фирма взаимодействует со своими конкурентами и претендентами на лидерство, которые встроены в международное разделение труда. Каждое из этих полей стратегических действий создаёт социальный порядок мезоуровня, и в этом смысле его полезно рассматривать как конструкцию из элементов социального порядка, перечисленных выше в описании нашего подхода. Связи между полями подчёркивают взаимозависимость полей стратегических действий и их несомненную способность запускать изменения в других полях. Мы покажем, что для всех полей эти связи составляют один из основных источников изменения и стабильности.

Первое положение нашей теории, принятое во многих версиях институционального подхода: действие происходит внутри конструируемых социальных порядков мезоуровня. Эти порядки называют по-разному — секторами [Scott, Meyer 1983], организационными полями [DiMaggio, Powell 1983], играми [Scharpf 1997], полями [Bourdieu, Wacquant 1992], сетями [Powell et al. 2005] и применительно к государству сферами политики (*policy domains*) [Laumann, Knoke 1987] и политическими системами или подсистемами [Sabatier 2007]. В том, что касается экономики, рынки тоже можно рассматривать как особый вид конструируемого порядка [Fligstein 1996; 2001b]. Со своей стороны, исследователи социальных движений рассматривают эти движения как вновь возникающие порядки, состоящие (в случае успеха) из ряда формальных организаций, поддерживающих движение, и неформальных групп активистов. Джон Маккарти и Майер Залд называют эти вновь возникающие порядки индустриями социальных движений (*social movement industries*) [McCarthy, Zald 1973; 1977]. Движения также способны создавать «арены конфликта», включающие в том числе группировки представителей движения, государственных акторов, медиа и противоборствующие группы [McAdam 1999: ch. 5].

Хотя многие исследователи осознали необходимость рассматривать порядки мезоуровня как центральный элемент институционального устройства, их представления об этих полях сильно разнятся. Для Бурдьё «социальная власть» — основа как структуры, так и логики действия в каждом отдельном поле. В институциональной теории (см., например: [Jepperson 1991]) поле, скорее, видится как культурно обусловленный социальный конструкт, чем подчёркивается объединяющее воздействие разделяемого понимания ситуации среди «настроенных» друг на друга акторов, что в итоге создаёт «принимаемую как данность» реальность повседневной жизни.

В своём подходе мы хотим соединить социально-конструктивистские аспекты теории институтов с поиском источников стабильности и изменений в полях стратегических действий и рассматриваем поля стратегических действий как социально конструируемые арены, на которых акторы с разным объёмом ресурсов борются за более выгодное положение [Bourdieu, Wacquant 1992; Martin 2003; Emirbayer, Johnson 2008]. Социальное конструирование полей стратегических действий имеет три важных аспекта. Во-первых, принадлежность к полю гораздо сильнее зависит от субъективно воспринимаемого позиционирования, чем от какого-либо объективного признака, поэтому, например, хотя в США есть около 2500 колледжей и университетов с четырёхгодичным курсом обучения, обычно все они не образуют единое поле стратегических действий. В то же время среди них есть подгруппа образовательных учреждений, участники которой соотносят свои действия друг с другом. Именно внутри такого более узко определённого поля образовательные учреждения начинают конкурировать и сотрудничать друг с другом.

Границы поля стратегических действий не закреплены и меняются в зависимости от представления о ситуации и насущных проблемах. Например, представим, что Конгресс США собрался провести радикальную реформу и принять закон, который грозит лишить все учреждения высшего образования налоговых льгот. Когда возникает подобный конфликт, узко определённое поле стратегических действий уже не играет особой роли. Конфликт создаёт новое поле, куда войдут все 2500 колледжей и университетов, которые, скорее всего, объединятся и совместно выступят против законопроекта. Поля конструируются на ситуационной основе, когда те или иные группы акторов определяют новые проблемы и задачи как насущные и важные.

Наконец, самое важное: поля конструируются в том смысле, что они обращаются к набору пониманий, выработанных с течением времени участниками поля. Для описания подобных разделяемых пониманий (*shared understandings*) часто используется термин «институциональная логика» [Friedland, Alford 1991; Scott 2001]. На наш взгляд, это понятие слишком общее и расплывчатое, чтобы уловить набор разделяемых смыслов, который задаёт динамику поля. Мы различаем четыре вида разделяемых пониманий, которые определяют ход взаимодействия на уровне поля.

Во-первых, это более общее представление о том, что происходит в поле, что стоит «на кону» [Bourdieu, Wacquant 1992]. В этом отношении мы вправе ожидать от акторов в сложившемся поле стратегических действий консенсуса по вопросу о том, что вообще происходит. Подобный консенсус не означает, что сложившееся распределение выгод в поле считается легитимным; суть лишь в том, что большинство акторов в поле разделяют общее понимание происходящего.

Во-вторых, в поле располагаются группы акторов, о которых можно сказать, что они обладают большей или меньшей властью. Нужно иметь в виду, что акторы занимают в поле некоторую позицию и, кроме того, имеют некое обобщённое представление о том, как их позиция соотносится с позициями других в данном поле стратегических действий. Можно себе это представить следующим образом: акторы знают, кто их друзья, кто — враги, а кто — конкуренты, именно потому, что понимают, кто занимает соответствующие позиции в их поле.

В-третьих, существует набор разделяемых пониманий о природе «правил», действующих в поле. Имеется в виду, что акторы понимают, какие тактики возможны, легитимны и доступны интерпретации для каждой роли в данном поле. Это не то же самое, что понимание общего положения дел. Речь идёт о культурно-обусловленном представлении о том, какие виды действий и организации считаются легитимными и имеющими смысл в контексте данного поля.

Наконец, в-четвёртых, существует более широкая интерпретативная рамка (*interpretative frame*), которую создают индивидуальные и коллективные стратегические акторы, чтобы самим понимать, что делают другие участники поля стратегических действий. Здесь мы ожидаем встретить не единую для всех акторов схему (как это подразумевает концепция логики), а различные интерпретативные рамки, отражающие относительные позиции акторов в поле стратегических действий. Мы полагаем, что акторы, скорее всего, будут оценивать действия других с точки зрения своего положения в поле. Например, в большинстве полей стоит ожидать, что доминирующие или давно закрепившиеся акторы примут ту систему взглядов (*frame of reference*), которая способствует сохранению траектории поля в их интересах, тогда как занимающие подчинённое положение акторы и претенденты на лидерство примут или выработают «оппозиционную» точку зрения. Таким образом, реакции наделённых большей или меньшей властью акторов на действия других акторов отражают их социальную позицию в поле.

В общепринятой концепции институциональных логик перечисленные аспекты поля стратегических действий перемешаны. Это ведёт к ряду проблем. Те, кто использует термин «институциональная ло-

гика», обычно преувеличивают масштабы консенсуса о том, что именно и почему происходит в поле, и сильно недооценивают роль позиций разных акторов, процесс создания правил (в котором более сильные акторы имеют преимущество перед менее сильными), а также в целом роль власти в полях стратегических действий. Проще говоря, концепция институциональной логики не учитывает относительность позиций акторов в поле и их способность составлять оппозицию к другим акторам. Это понятие не объясняет, почему акторы с разными позициями в поле стратегических действий будут по-разному интерпретировать одни и те же события и по-разному реагировать на них, исходя из своей точки зрения.

Одно из ключевых различий между нашим подходом и большинством версий институциональной теории состоит в том, что в нашем подходе поля лишь изредка складываются вокруг по-настоящему консенсуальной и «принимаемой как данность» реальности. Многие сторонники институционального подхода исходят из идеи рутинности социального порядка и его воспроизводства. В значительной части версий институциональной теории считается, что рутинное воспроизводство поля гарантировано тем, что большинство акторов разделяют единое представление о своих возможностях и ограничениях и ведут себя в соответствии с ним. Если изменения когда-либо и происходят, то это случается относительно редко и почти никогда не становятся результатом чьих-то намерений. Напротив, мы говорим о непрерывном маневрировании (*jockeying*) участников полей в силу состязательной природы (*contentious nature*) поля. Одни акторы совершают какие-то поступки, другим приходится их интерпретировать, перебирать свои возможные реакции и что-то предпринимать в ответ. Акторы, у которых есть и сильные, и слабые стороны, постоянно подстраиваются под обстоятельства, задаваемые их позицией в поле, а также действиями других акторов. Остаётся немалое пространство для рутинного маневрирования и частичных изменений в позициях, занимаемых акторами. Даже в относительно спокойные времена менее сильные акторы могут найти способы извлечь из системы свою выгоду и постоянно стараются хоть немного улучшить свои позиции в поле. Непрерывные, незначительные по масштабу и постепенные изменения — вот норма для поля, в отличие от картины рутинного воспроизводства поля, рисуемой в большинстве версий институциональной теории.

Можно развить этот подход. Вместо упрощённого различия между установившимися и не установившимися полями (*settled and unsettled fields*) мы настаиваем на том, что даже в установившихся полях существует значительный разброс в том, что принимается как данность всеми участниками поля. Установившиеся поля следует рассматривать как континуум состояний, на одном конце которого — исключительно редкие поля стратегических действий с крайне высоким консенсусом по всем затронутым выше субъективным аспектам, а на другом — поля, которые, несмотря на множество несогласий и открытых конфликтов, долгое время сохраняют свою структуру. Если посмотреть на происходящее с каким-либо конкретным полем стратегических действий, нетрудно заметить, что со временем оно перемещается в пределах этого континуума, и это происходит, когда кризис подрывает сложившиеся отношения и смыслы и порядок устанавливается по-новому, с новыми отношениями и новыми группами участников. Если же поле ближе к полюсу стабильности, конфликт в нём будет менее выраженным и воспроизводство позиций акторов потребует от них меньших усилий.

Но если многие условия в поле не определены или относительная власть акторов примерно равна, то открывается значительный простор для маневрирования в поиске выгоды. В поле могут оказаться разрушены все смыслы, включая представление о том, какие позиции занимают теми или иными акторами, каковы правила игры, как акторы объясняют себе поведение других участников поля. В этой крайней точке мы покидаем континуум и переходим в сферу открытого конфликта, когда само существование и структура поля стратегических действий становятся предметом захватнических игр. Так может возникнуть совершенно новый порядок, в котором будут по-новому определены позиции игроков, правила игры и цели, преследуемые участниками поля стратегических действий. Задача нашей

теории — понять, как появляются подобные порядки и почему они постоянно оспариваются и колеблются между большей и меньшей стабильностью и упорядоченностью. Короче говоря, мы предполагаем, что поля стратегических действий всегда находятся в подвижном состоянии, поскольку споры происходят непрерывно, и всегда сохраняется некоторая степень угрозы сложившемуся положению дел. Состязательная сущность полей и непрерывное давление изменений в поле стратегических действий — вот некоторые из совершенно новых элементов, привнесённых в наш теоретический подход.

В нашем подходе принимаются определённые допущения о том, как трактовать изменение и стабильность полей. Мы считаем полезным отличать кардинальные изменения при формировании или трансформации поля от частичных изменений, которые следуют из непрерывно случающихся в поле столкновений. Моменты более радикальных изменений было бы точнее описывать в терминах процесса социальных движений, который мы рассмотрим далее. Более долгоиграющий источник изменений — результат периодически проводимого акторами маневрирования в борьбе за лучшие позиции в поле. Мы предполагаем, что, поскольку различные группы могут успешно оспорить положение дел в поле, возможность изменений никогда не исчезает. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в главе 4.

Доминирующие игроки, претенденты и управленческие единицы

Наше внимание к динамике конфликта и (или) изменений и одновременно стабильности и (или) порядка отражено в общей характеристике состава полей стратегических действий. Мы рассматриваем поля как состоящие из доминирующих игроков, претендентов и очень часто управленческих единиц. Впервые введённое Уильямом Гэмсоном [Gamson 1975] различие доминирующих групп и претендентов долгое время составляет концептуальную основу теории социальных движений. Доминирующие игроки¹ — это актёры, обладающие непропорционально большой долей влияния в поле. Именно их интересы и взгляды преимущественно получают отражение в доминирующей организации поля стратегических действий. Таким образом, предназначение и структура поля приспособляются к интересам доминирующих игроков, а позиции в поле определяются их притязаниями на львиную долю материальных и статусных вознаграждений. Кроме того, правила поля задаются в их пользу, а разделяемые смыслы легитимируют и поддерживают их привилегированную позицию в поле стратегических действий.

Претенденты, напротив, занимают в поле менее привилегированные ниши и обыкновенно лишь в малой степени влияют на происходящее в этом поле. Признавая природу поля и превосходство логики доминирующих игроков, обычно претенденты всё же могут сформулировать альтернативное видение поля и своего положения в нём. Однако это не значит, что они непременно склонны к открытым выступлениям против неравноправия в поле и настойчивой борьбе за продвижение оппозиционной логики. Напротив, большей частью претенденты склонны подчиняться господствующему порядку, пусть обычно и неохотно принимая то, что даёт им система, в ожидании новой возможности оспорить её структуру и логику.

Помимо доминирующих игроков и претендентов, в полях стратегических действий часто присутствуют *внутренние управленческие единицы*, в чьи обязанности входит следить за соблюдением действующих в поле правил и в целом обеспечивать относительно гладкое функционирование и воспроизводство системы. Важно отметить, что эти единицы являются *внутренними* по отношению к полю и отличаются от *внешних* государственных структур, в чьей юрисдикции находится всё поле стратегических действий или какая-то его часть. Почти в каждой отрасли есть своя деловая ассоциация. В системе высшего образования в Соединённых Штатах действуют различные аккредитующие органы, в

¹ На самом деле У. Гэмсон различал претендентов и участников (*members*), но термин «доминирующие игроки» (*incumbents*) закрепился как более распространённая альтернатива участникам.

полицейских управлениях есть отделы внутренней безопасности, а на рынках ценных бумаг — рейтинговые агентства. Важно, что почти все подобные управленческие единицы несут на себе следы влияния доминирующих игроков поля и тех идей, которые привлекаются для обоснования их господства. Несмотря на легитимирующую риторику, объясняющую необходимость создания подобных единиц, обычно их цель состоит не в том, чтобы выступать нейтральными арбитрами в конфликтах между доминирующими группами и претендентами, а в том, чтобы укреплять преобладающую точку зрения (*dominant perspective*) и защищать интересы доминирующих игроков.

Присутствие этих управленческих единиц помогает доминирующим игрокам как минимум в трёх отношениях. Во-первых, обеспечивая бесперебойное функционирование системы, они освобождают доминирующих игроков от необходимости управлять всем происходящим в поле, что им неизбежно приходится делать, когда поле стратегических действий только формируется. Во-вторых, само присутствие этих единиц легитимирует и делает «естественной» логику и правила поля. Легитимация происходит по-разному. Часто управленческие единицы занимаются сбором и предоставлением сведений о поле доминирующим игрокам и претендентам. Они также создают стандартизованные версии этих сведений, которые все стороны могут использовать при принятии решений. Наконец, помимо своих «внутренних» функций, подобные единицы обычно выступают связующим звеном между полем стратегических действий и важными внешними полями. Так, отраслевые ассоциации обычно ищут в различных государственных полях могущественных союзников, в чьи полномочия входит надзор за их полем стратегических действий. Если в поле начнётся кризис, к этим союзникам можно обратиться за помощью. Словом, в периоды конфликтов в поле стратегических действий управленческие единицы обычно выступают защитниками *status quo* и важной консервативной силой. Если различие доминирующих игроков и претендентов имеет долгую историю в теории социальных движений, то концепция *внутренних управленческих единиц* — очередной уникальный элемент предлагаемой нами теории.

Стабильность поля обычно достигается двумя способами: за счёт (1) установления иерархической власти одной доминирующей группы или (2) создания политической коалиции на основе кооперации нескольких групп. Что именно ляжет в основу поля стратегических действий — принуждение, конкуренция или кооперация? Это имеет ключевое значение. Стоит заметить, что на практике поля содержат некоторую комбинацию всех трёх подходов, но их полезно различать в качестве идеальных типов.

Принуждение означает угрозу применения или фактическое применение физической силы либо отказ в доступе к ценным ресурсам.

Конкуренция имеет место, когда разные группы соперничают за какие-то преимущества, не прибегая к насилию. Результат конкуренции зависит от исходного уровня обеспеченности ресурсами, влияния внутренних и внешних союзников и уровня социальных навыков. Победители смогут распоряжаться потоками ресурсов и регулировать доступ к ним. Проигравшие получают меньше, но всё же останутся частью поля.

Кооперация предполагает создание политической коалиции для сохранения поля стратегических действий. Цель каждого совместного проекта для его участников — получить доступ к ресурсам, как материальным, так и к «экзистенциальным». (Мы подробнее рассмотрим «экзистенциальные» вознаграждения в следующем разделе и ещё подробнее — в главе 2.) Политическая коалиция отражает союз двух и более групп, образованный в противостоянии другим группам. Идеальный тип политической коалиции предполагает, что в её основе лежит механизм кооперации. Сама кооперация обычно опирается на сочетание разделяемых интересов (*shared interests*) и общей коллективной идентичности. Люди присоединяются к группам и сотрудничают в стремлении получить как более узкие материальные вознаграждения, так и сущностные преимущества, которые дают ощущение осмысленности происходя-

щего (*sense of meaning*) и принадлежность к группе. На практике же устойчивое поле стратегических действий может строиться на любом из перечисленных трёх оснований или на каком-то их сочетании [Wagner-Pacifici 2000].

Создание политических коалиций — непростая задача, требующая социальных навыков. Акторам предстоит убедить другие группы, что объединение действительно служит их общим интересам. Если эти группы разного размера и преследуют разные цели, то очевидно, что более крупные группы получают преимущество. Стратегические акторы используют основанные на сотрудничестве коалиции и навязываемые иерархии как альтернативные способы организации полей. Они могут вступать в коалицию с некоторыми группами в поле стратегических действий, чтобы вместе составить более крупную группу и затем уже в её составе принуждать другие группы к определённым действиям или конкурировать с ними.

В зависимости от равномерности распределения ресурсов и позиций политические коалиции могут располагаться или на одном конце спектра, где в их основе лежит кооперация разных социальных групп, или на другом, где одна группа обладает большей властью и где политическая коалиция начинает напоминать иерархию. Группы ведущих игроков сопоставимого размера способны составить «плоскую» неиерархическую политическую коалицию с равной властью участников. Но также нетрудно представить ситуацию, когда одна доминирующая группа контролирует поле стратегических действий, находясь в коалиции с множеством намного более мелких партнёров. Даже если отношения между членами коалиции формально называются сотрудническими, такая структура больше напоминает иерархически организованное поле. Со временем относительная власть индивидов или социальных групп может усилиться или ослабнуть, что сдвинет поле в сторону или иерархии, или коалиции.

Структура ведущих игроков и претендентов зависит от природы поля стратегических действий. Например, количество доминирующих групп отражает относительную власть этих групп и основу, на которой зиждется их власть. Ведущие группы способны неформально договориться о разделе поля между собой. В результате возникнет ряд обособленных сфер влияния, и эти группы в состоянии сотрудничать, не наступая друг другу на ноги. Они могут даже превратить свою договорённость в подобие ритуала (*ritualize agreement*), что, впрочем, не мешает им временами проверять её на прочность. В свою очередь, претенденты способны обратить себе на пользу зависимость от ресурсов в поле стратегических действий. Если группы зависят от других групп, это создаёт устойчивую ситуацию, в которой заключаются «контракты». В подобных отношениях всегда сохраняется напряжение, поскольку задаваемые ими позиции участников принципиально неравноправны.

Если говорить об идеальных типах, то иерархии ассоциируются с принуждением и конкуренцией, а политические коалиции — с кооперацией. В действительности же иерархии поддерживаются не только принуждением или за счёт конкурентных преимуществ, а политические коалиции не всегда основаны целиком на кооперации. Нередко иерархии опираются на неявное согласие претендентов, а за соблюдение иерархического порядка им может даже полагаться вознаграждение. В результате доминирующие группы сохраняют за собой львиную долю ресурсов, но позволяют претендентам выживать и получать часть добычи, пусть и непропорционально малую. В свою очередь, претенденты, оставаясь в оппозиции к доминирующим игрокам, ведут себя прилично. Равным образом в политических коалициях нередко возникают конфликты и конкуренция. Группы в составе коалиции иногда полагают, что не получают причитающейся им доли вознаграждений. Также они могут считать, что их видение коалиции не принимается с должным уважением. Они способны попытаться перестроить коалицию, мобилизуя другой набор групп на основе нового оппозиционного представления о поле. Разумеется, на политику иерархии и коалиции также влияют размер групп и объём доступных им ресурсов. Идея о том, что поле организуется или как иерархия, или как коалиция, даёт более целостное представление о возможности установления порядка в поле. Таков ещё один новый элемент в нашем подходе.

Социальные навыки и экзистенциальная функция социального

Следующий новый элемент в нашем подходе — уникальная концепция специфичного для человека «социального навыка», опирающаяся на глубокое понимание того, что мы обозначаем термином «экзистенциальная функция социального» (*existential function of the social*). Это основание микроуровня занимает настолько центральное место в нашей теории, что его рассмотрению будет посвящена значительная часть главы 2. Сейчас же ограничимся самым общим введением в этот аспект теории.

Вопрос о том, какое место в конструировании социальной жизни следует отвести акторам, был одной из главных проблем в социальной теории на протяжении последних 20 лет [Honneth 1995; Fraser 2003; Jasper 2004; 2006]. С одной стороны, социологи склонны отводить определяющую роль культурным или структурным факторам, которые упрощают или затрудняют способность индивидов либо организованных групп активно воздействовать на свои жизненные шансы. С другой стороны, невозможно участвовать в социальной жизни и не поражаться тому, насколько сильно индивиды и группы могут влиять на происходящее с ними [Ganz 2000; 2009]. Социология часто декларирует интерес к изучению претендентов на изменения в обществе, анализу положения угнетённых и обездоленных. В сочетании со свойственным многим социологическим направлениям убеждением, что претенденты на изменения мало что могут исправить в своём положении, такая точка зрения ставит социологов в стеснённые условия — как в интеллектуальном, так и в политическом смысле. Задача нашего подхода — дать социологическое определение стратегических действий и увязать его с возможностью изменений в полях стратегических действий в разные моменты их развития.

В соответствии с одной из наших предшествующих работ [Fligstein 2001a], мы определяем стратегическое действие как попытку социальных акторов создавать и поддерживать социальные миры кооперацией с другими акторами. Стратегическое действие заключается в установлении контроля в заданных обстоятельствах [White 1992; Padgett, Ansell 1993]. Создание идентичностей, политических коалиций и интересов может быть мотивировано стремлением контролировать других акторов. Но выработка подобных договорённостей и обеспечение их исполнения требует от стратегического актора способности мыслить широко, не замыкаясь на своих обстоятельствах, и умения принять роль другого и приложить усилия к созданию общих миров и идентичностей [Jasper 2004; 2006].

Иначе говоря, концепция социального навыка делает акцент на том, что индивиды и коллективные акторы обладают высокоразвитой когнитивной способностью понимать других людей и иные обстоятельства, задавать рамки образа действия и побуждать других людей к действию в соответствии с более общими представлениями о мире и о самих себе [Snow et al. 1986; Snow, Benford 1988; Fligstein 2001a; Jasper 2004; 2006]. Умение выявлять, чётко формулировать или присваивать и продвигать подобные «экзистенциальные наборы» (*existential packages*) — социальный навык, составляющий основу культурно обусловленного или конструируемого измерения социального действия. Мы рассматриваем социальный навык как индивидуальное свойство и предполагаем, что оно в той или иной степени присуще всем людям, и, возможно, даже они наделены им по законам нормального распределения.

Действия актора, обладающего социальным навыком, зависят от его роли в конкретном поле стратегических действий. В устойчивых социальных мирах квалифицированные стратегические акторы из доминирующих групп заняты созданием и воспроизводством существующего положения дел. Им помогает набор общих смыслов, разделяемых другими акторами, который определяет идентичности и интересы этих стратегических акторов. Кроме того, в «институционализованных» социальных мирах подобные смыслы могут «приниматься как данность», и действия с готовностью совершаются исходя именно из этих смыслов. В формирующихся и неустановившихся полях стратегических действий перед квалифицированными стратегическими акторами стоит другая задача. В неустановившихся

ся полях стратегических действий квалифицированные социальные акторы могут выступить в роли институционального предпринимателя [DiMaggio 1988]. На первый план выходит их способность налаживать связи между группами, апеллируя к общим интересам и идентичностям. Такого рода умения приносят наибольший выигрыш в неорганизованных или неустойчивых полях стратегических действий, где акторы используют свой социальный навык, чтобы мобилизовать других, например — помогая им создать политическую коалицию, способную организовать данное поле, или привлечь недоступные другим ресурсы и организовать поле как иерархию [Ganz 2000; 2009].

Делая акцент на когнитивном, эмпатическом и коммуникативном измерениях социального навыка, мы стремимся подчеркнуть главное: акторы, совершающие стратегическое действие, должны уметь применить самые разные представления в интересубъективной манере для укрепления кооперации между другими акторами — добровольной или не очень [Fligstein 2001a]. Этот вид навыка позволяет акторам выйти за пределы индивидуальных или узкогрупповых интересов и принять роль другого как отправную точку для выработки более широкого и основанного на новом представлении о мире и новых общих идентичностях понимания коллективной жизни [Mead 1934].

Сделаем ещё одно весьма важное замечание о применении упомянутых социальных навыков. Почти все ранее предложенные подходы к стратегическому действию предполагали внимание в основном к различиям предпочтений и неравенству властных полномочий. Многое из сказанного в данной книге можно интерпретировать и в этом более узком прикладном ключе. Однако мы рассматриваем стратегическое действие как неразрывно связанное со свойственными человеку способностью и *потребностью* вырабатывать общие смыслы и идентичности, служащие реальной основой существования общества. Это не значит, что властные полномочия и отдельные предпочтения не имеют значения, однако наше стремление удовлетворить эти последние и осуществлять те первые всегда сопряжено с более общими вопросами смысла и идентичности. Более того, сами предпочтения берут начало в основных источниках смысла и идентичности нашей жизни. Мы разберём этот непростой вопрос в главе 2. Здесь же пока просто отметим, что наше представление о коллективном стратегическом действии опирается как на подход М. Вебера с акцентом на выработку смыслов и на подход Д. Мида с акцентом на эмпатии, так и на подчёркнуто инструментальный подход К. Маркса.

Внешняя среда поля

Как отмечалось ранее, многие теоретики представили свои описания порядков мезоуровня, которые мы называем полями стратегических действий. Однако почти все предыдущие исследования полей посвящены только внутреннему устройству этих порядков и описывают поля в основном как самодостаточные автономные миры. Следующий элемент, отличающий наш подход от других, следует из признания ключевой роли внешней среды, в которой укоренено всякое поле стратегических действий. В частности, мы рассматриваем все поля как укоренённые в сложном сплетении других полей. Описать природу этих «других полей» и их отношения к тому или иному полю стратегических действий помогут три пары дихотомических различий.

Первое различие — между *отдалёнными* и *смежными* полями. Смежные поля — это те поля стратегических действий, у которых с рассматриваемым полем установлены регулярные контакты и чьи действия обычно влияют на рассматриваемое поле. Отдалённые поля — те, связей с которыми практически нет и которые почти не влияют на рассматриваемое поле стратегических действий.

Второе различие — между *зависимыми* и *взаимозависимыми* полями. Здесь учитывается степень и направление влияния в отношениях между любыми двумя полями. Поле, которое преимущественно подвержено воздействию другого поля, называется *зависимым*. Источники зависимости могут быть

самыми разными, в том числе включать формальные юридические или бюрократические полномочия, ресурсную зависимость или физическую и военную силу.

Формальные бюрократические иерархии, вложенные одна в другую подобно матрёшке, воплощают первый из этих источников зависимости. В такие вертикально организованные системы включены все поля более низкого уровня, формально зависящие от всех систем более высокого уровня. Когда два связанных поля влияют друг на друга примерно в равной степени, их можно назвать состоящими в отношениях *взаимозависимости*. Нечего и говорить, что поля также могут быть *независимыми*, когда действия одного поля не влияют на другое. В действительности подавляющая часть полей стратегических действий такими и являются.

Наконец, третье различие — между *государственными* и *негосударственными* полями. Оно очевидно, но оттого не менее важно. В современном мире только государственные акторы обладают формальными полномочиями вмешиваться, устанавливать правила, да и в целом определять легитимность и жизнеспособность большинства негосударственных полей. Это даёт государствам весомый и в большинстве случаев превосходящий все прочие потенциал влияния на устойчивость большинства полей стратегических действий. Но государства сами являются набором из множества полей, отношения которых могут быть описаны как смежные или отдалённые и в случае смежного расположения — как *горизонтальные* или *вертикальные*. Таким образом, мы отвергаем распространённое представление о едином государстве-гегемоне. При ближайшем рассмотрении оказывается, что государства составлены из бесчисленного множества социальных порядков, динамика которых почти не отличима от прочих полей. Эта концепция государства как плотной системы взаимозависимых полей является ещё одной оригинальной составляющей нашей теории. Подробнее государства как совокупности полей будут рассмотрены в главе 3.

Вооружившись этими различиями, мы скорее осознаем сложность и возможные последствия связей, соединяющих любое поле стратегических действий с его внешней средой. Возьмём для примера подразделение фирмы, отвечающее за какой-либо продукт. Подразделение само по себе представляет собой поле, но оно также вертикально связано с более крупным полем всей фирмы и с другими подразделениями фирмы, с которыми оно рутинным образом конкурирует за ресурсы. Но пока мы перечислили только поля внутри фирмы, с которыми связано наше подразделение. В то же время подразделение встроено в сложное сплетение смежных полей, внешних по отношению к фирме: инвесторы, поставщики, клиенты, конкуренты и государственные регуляторы. Этот пример и перечисленные различия позволяют сделать простой вывод: наше понимание динамики поля и, в частности, потенциальных конфликтов и изменений в этом поле будет серьёзнейшим образом ограничено, если мы вслед за многими исследователями порядков мезоуровня не примем в расчёт ограничения (и возможности), которые создают для этих порядков их множественные связи с другими полями. Стабильность любого поля по большей части зависит от его отношений с другими полями. И хотя данное поле может войти в состояние конфликта в результате внутренних процессов, намного чаще «случаи оспаривания» возникают в результате изменений, проникающих со стороны ближайших государственных и (или) негосударственных полей.

Внешние шоки, мобилизация и зарождение противоборств

Главное теоретическое следствие взаимозависимости полей состоит в том, что именно среда поля составляет источник рутинного и непрерывного динамизма современного общества. Всякое значительное изменение в любом поле стратегических действий подобно кругам на воде от брошенного камня, оно распространяет волнение на все ближайшие поля. Это не значит, что все или хотя бы большинство волн выведут из равновесия другие поля. Изменения, как и камни, бывают разной величины. Лишь са-

мые грандиозные изменения могут создать волнение достаточной силы, чтобы стать реальной угрозой стабильности ближайших полей.

Хотя повторяющиеся моменты турбулентности создают для претендентов возможность улучшить позицию или даже изменить правила игры, в уже существующих полях доминирующие группы обычно занимают сильные и хорошо защищённые позиции и в состоянии противостоять давлению претендентов. Для начала они обычно намного лучше претендентов обеспечены ресурсами. Также они могут не почувствовать угрозы даже во время серьёзного дестабилизирующего шока, потому что претенденты не оспаривают устойчивость их власти. Наконец, доминирующие игроки обычно располагают поддержкой лояльных союзников в управленческих единицах — как внутри поля, так и в ближайших государственных и негосударственных полях. Обладая такими материальными, культурными и политическими ресурсами, доминирующие игроки занимают положение, обеспечивающее им выживание.

Тем не менее иногда этих преимуществ оказывается недостаточно, чтобы выстоять в «случаях оспаривания». В редких случаях масштаб волнений настолько велик (например, недавний кризис субстандартного ипотечного кредитования, которому мы уделим много внимания в главе 5), что в буквальном смысле навязывает кризисную ситуацию многим смежным полям, особенно находящимся в вертикально зависимых отношениях с рассматриваемым полем стратегических действий. Но обычно масштаб дестабилизирующих изменений не настолько велик, чтобы вызвать кризис. Какую именно угрозу породит то или иное изменение, зависит от многовариантного процесса мобилизации, показанного на рисунке 1. Этот процесс определяет способность к социальному конструированию и стратегическому действию, ключевую для нашего подхода.

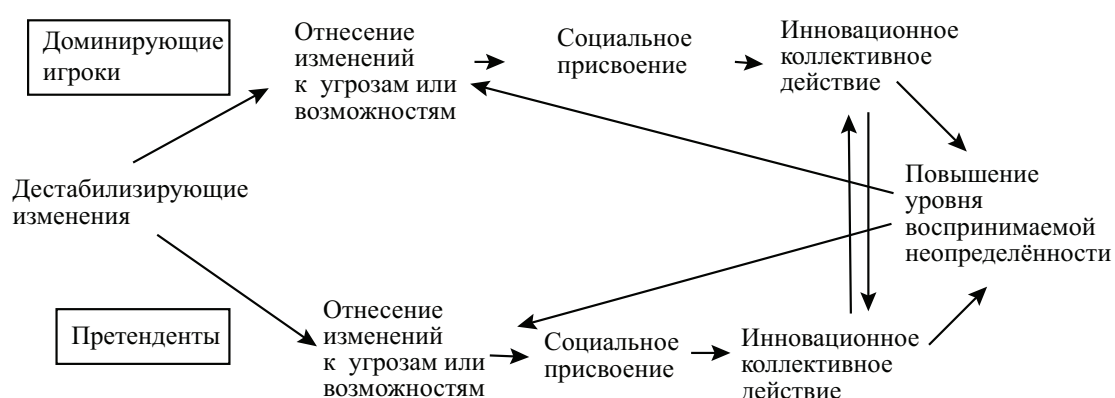

Рис. 1.

Процесс, описание которого показалось бы знакомым многим исследователям социальных движений [McAdam 1999; McAdam, Tarrow, Tilly 2001], состоит из трёх связанных механизмов. Первый из них — это *коллективное отнесение (attribution) происходящих изменений к угрозам или к возможностям*. Этот механизм даёт ответ на простой вопрос: как доминирующие игроки и претенденты интерпретируют процесс дестабилизирующих изменений? Если процесс не будет признан представляющим серьёзную угрозу (или создающим возможности) для реализации общих интересов, то он вряд ли вызовет в поле серьёзный кризис или «столкновение». Коллективное отнесение события к угрозам или возможностям само по себе не означает начала спора. Для этого должны произойти ещё два события. Во-первых, требуется, чтобы те, кто увидел в происходящем угрозу или возможность, располагали организационными ресурсами (социальное присвоение — *social appropriation*), необходимыми для мобилизации и поддержания действия. Во-вторых, отличительный признак любого эпизода оспаривания — усиление взаимодействия, включающее использование инновационных и ранее запретных форм коллективного действия (инновационное действие). Если претенденты даже в ситуации признания большинством

угрозы или возможности продолжают придерживаться «надлежащих каналов» и установленных правил предъявления притязаний, то кризис или столкновение, скорее всего, не возникнет.

Чтобы конкретизировать эту схему, приведём следующий пример: арест Розы Паркс в декабре 1955 г. за отказ уступить место белому мужчине в автобусе города Монтгомери едва ли предопределил наступивший впоследствии кризис. По большому счету, множество темнокожих и ранее подвергались арестам за подобные нарушения. Но в этот раз, возможно, из-за тесных связей Паркс с лидерами городского движения за гражданские права, арест был воспринят как возможность публично выступить против несправедливости в системе автобусного сообщения (событие было отнесено к возможностям). Но не этот, а два следующих шага превратили единичный арест в «эпизод оспаривания» и столкновение с очень значимыми последствиями. Убедив большинство темнокожих священников Монтгомери во время воскресной проповеди 4 декабря призвать прихожан выступить против ареста Паркс, местные лидеры борьбы за гражданские права успешно воспользовались в интересах нарождающегося движения возможностями церкви — самого значимого института в чёрной общине, который для многих темнокожих служит источником смысла их жизни и идентичности. Если бы лидеры решили опротестовать арест через традиционные каналы, кризиса не возникло бы. Именно решение предпринять инновационное действие, организовав символический однодневный бойкот автобусов, запустило последовавшее столкновение.

Ситуации столкновения

Эпизод оспаривания «может быть определён как период возникновения устойчивого взаимодействия противоборствующих сторон (*contentious interaction*) между <...> акторами [поля], использующими в отношении друг друга новые и инновационные формы действия» [McAdam 2007: 253]. Наряду с инновационным действием ситуации столкновения предполагают общее ощущение неопределённости и (или) кризиса правил и властных отношений, которым подчиняется поле. Если в поле уже есть явно выраженные доминирующие игроки и претенденты, мобилизация обеих групп может проходить чрезвычайно интенсивно. Ситуация может длиться до тех пор, пока сохраняется общее чувство неопределённости в отношении структуры и преобладающего порядка в поле. Разлитое в поле чувство неопределённости усиливает ощущение угрозы или возможности, которое в большей или меньшей степени обязывает все стороны конфликта продолжать борьбу. Эндрю Уолдер в книге о движении хунвейбинов в Пекине в 1966–1968 гг. предлагает примечательное описание именно такой ситуации столкновения [Walder 2009a]. Он убедительно показывает, что разрастание конфликта было вызвано не столько существовавшими ранее или даже возникшими в ходе конфликта интересами, сколько общим ощущением хаоса и неопределённости, которое вынуждало все стороны участвовать в каждом последующем витке борьбы, которая во многом имела реактивный характер.

В этом плане силы, порождающие столкновение, могут поддерживать сами себя (по крайней мере, какое-то время). Помимо общего чувства неопределённости, воспринимаемые угрозы и возможности изменяют состояние умов акторов поля: становятся заметными правила, которые ранее принимались как данность, оспариваются воспринимаемые преимущества, получаемые от исполнения этих правил, а также подрываются способы калькуляции, на которых до сих пор основывалось поле [McAdam, Scott 2005: 18–19]. Когда приверженность существующей структуре поля стратегических действий рушится, следует ожидать, что к стычке присоединятся новые акторы. В ответ на разгорающийся кризис доминирующие игроки (во всяком случае, первоначально) в попытке стабилизировать ситуацию апеллируют к *status quo*. В свою очередь, претенденты, скорее всего, первыми включатся в инновационное действие, почуяв возможность улучшить свою позицию в поле за счёт новых приёмов. Во время кризиса также вероятно появление и совершенно новых групп.

Одна из форм действия, неизбежно воспроизводимая во время ситуаций столкновения, — фрейминг [Goffman 1974; Snow et al. 1986; Benford, Snow 2000]. Все участники конфликта, порой включая акторов извне поля, предлагают и стремятся создать консенсус вокруг какой-то определённой концепции поля [Snow, Benford 1988; Fligstein 1996]. Доминирующие игроки могут упорствовать в своих попытках воссоздать старый порядок, часто прибегая к помощи внутренних для поля управленческих единиц и союзников в ближайших государственных полях. Навязывание *стабилизации* со стороны государственных акторов — частый, хотя и не всегда эффективный метод разрешения ситуации столкновения и или противоборства. Очень часто преимущества доминирующих групп — материальные, культурные, политические — оказываются достаточными, чтобы преодолеть кризис и восстановить порядок. Однако в редких случаях могут возобладать противостоящие логики. Это происходит, когда претендентам удаётся поддержать начатую мобилизацию и постепенно институционализировать новые практики и правила [DiMaggio 1991; McAdam, Tarrow, Tilly 2001]. Следуя описанному выше «микрооснованию», стоит отметить, что стремление разрешить кризис поля часто вызвано «экзистенциальными» мотивами, а не только сугубо практическими соображениями. Все акторы поля (даже те, кто намеревается выиграть от тяжёлого и продолжительного кризиса) в некоторой степени заинтересованы в восстановлении общего ощущения порядка и той экзистенциальной целостности, которая составляет первооснову всей социальной жизни. Отсюда следует важный практический вывод: изучая ситуации столкновения и в особенности последующую стабилизацию, исследователю стоит уделить «экзистенциальным» мотивам акторов (например, вопросам смысла, идентичности, выгорания и стресса) не меньше внимания, чем мотивам чисто практическим.

Стабилизация

По мере успешной мобилизации оппозиции или восстановления *status quo* доминирующими игроками и (или) их союзниками поле начинает двигаться к новому (или обновлённому) *институциональному устройству* со своими правилами и культурными нормами. Говорить о завершении кризиса в поле можно тогда, когда восстанавливается общее чувство порядка и определённости, снова складывается консенсус между доминирующими игроками и претендентами относительно друг друга [McAdam, Scott 2005: 18–19; Schneiberg, Soule 2005: 152–153].

Мы уже упоминали о роли государственных акторов в восстановлении порядка в поле, но в этом процессе также могут участвовать и другие внешние игроки. Как правило, смежные поля выступают источником дестабилизирующих шоков, порождают столкновения, но они же часто предлагают схемы стабилизации, позволяющие закончить столкновения. Когда правила поля не определены, акторы более восприимчивы к новым видениям и более склонны искать альтернативные решения. Смежные поля — легкодоступный и обычно пользующийся высоким доверием источник новых идей и практик. Так, социальные движения могут черпать идеи из других движений (внешний эффект) [Meyer, Whittier 1994] или от них могут отделяться новые движения [McAdam 1995], организации перенимают «легитимные» формы из других полей [Meyer, Rowan 1977; DiMaggio, Powell 1983: 151–152; Clemens 1993; 1996], судьи обосновывают новые трактовки законов с помощью аналогий [Epstein 1987].

Другие подходы

Развивая предложенный в этой книге подход, мы заимствовали элементы многих существующих теоретических концепций. Полезно отдать должное их авторам и указать на общие темы, но также необходимо выделить области, в которых мы добавляем новые идеи или выражаем несогласие и критикуем подходы других авторов. Наша цель — не принизить значение других подходов, а дополнить ранее проделанную обширную теоретическую работу. Мы рассматриваем свой подход не как синтез ранее

существовавших идей, а как новый взгляд на проблему, заимствующий некоторые элементы существующих теорий, но также многое к ним добавляющий. Наш подход призван разрешить ряд сложностей, с которыми сталкивается социология при изучении форм коллективного действия, и нам важно подчеркнуть этот факт. Один из способов это сделать — показать отличия нашего подхода от прочих; не ограничиваясь перечислением заимствований, продемонстрировать моменты, где наша теория обеспечивает продвижение вперед — к целостной теории полей.

В ряде мест мы уже упоминали о значительных различиях нашей теории и альтернативных подходов. Но до сих пор не было подробного и системного разбора этих различий. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из альтернатив, наиболее релевантных концепции социальной жизни как системы полей, и проследим степень близости части наших идей с идеями других крупных теорий и теоретиков. Затем мы укажем, чего не хватает в каждом из подходов и как наш подход может заполнить пробелы. Хотя все рассмотренные далее подходы содержат определённые элементы теории поля, ни один из них, на наш взгляд, не предлагает общую теорию социального порядка, способную охватить столь же разнообразный круг явлений как предложенная нами альтернатива. Мы кратко разберём подходы П. Бурдьё, Э. Гидденса, институциональной теории, сетевого анализа и теории социальных движений, укажем, что из них используем в своём подходе и как развиваем заложенные в них идеи.

Пьер Бурдьё

Очевидно значительное родство предложенного здесь подхода и теории П. Бурдьё. В ряду прочих исследователей Бурдьё может считаться родоначальником идеи поля как среды действия. Его теоретический аппарат — один из самых развитых (хотя и не самый развитый)². Чтобы охватить большее количество явлений, наш подход развивает как идеи теории полей, так идею действия. Мы не намерены излишне критиковать подход Бурдьё, но полагаем, что он мог бы разделить многие из наших доводов и с их помощью расширить охват и возможности своей теории поля.

Один из моментов, в котором наша теория развивает теорию полей и действия, — это последовательный акцент на роли коллективных акторов. Три главные концепции Бурдьё — габитус, капитал и поля. Почти все рассуждения об этих явлениях Бурдьё проводит на уровне индивидуальных акторов, помещённых в пределы полей [Bourdieu 1984; Bourdieu, Wacquant 1992]. Его мало занимает, как действуют коллективные акторы, или как кооперация и конкуренция между коллективными акторами меняют структуру полей (в качестве исключения см. работу Бурдьё «Правила искусства» [Bourdieu 1996]). В целом он мало что говорит об архитектуре рынков сверх общего утверждения, что рынки состоят из позиций, структура которых определяется относительной властью акторов. Он также не уделяет особого внимания отношениям между полями.

На то есть несколько взаимосвязанных причин. Отправные точки в классической социальной теории, с которых начинал Бурдьё, мало помогают в создании чего-либо в духе теории полей, поэтому в ходе работы над теорией капитала, габитуса и поля ему приходилось разведывать новую и неизведанную территорию. Он разработал относительно небольшой и гибкий набор идей, которые оказались способны эффективно направлять исследовательскую работу (обзор применения этих идей в американской социологии см.: [Sallaz, Zavisca 2007]). Главным вкладом Бурдьё в теорию стала концепция поля и соединение её с теорией действия. В числе проблем, которые он стремился решить, находилась одна очень значимая для социальной теории и близкая к сути нашего проекта: проблема агентов и структур.

² Джон Мартин, изучающий историю идеи полей, утверждает, что в социологии есть несколько теорий поля, каждая со своим видением сути проблемы [Martin 2009]. Нил Флигстин показывает, что немалую часть усилий нового институционализма в социологии, политической и экономической науке можно трактовать как поиск решения проблемы конструирования социальных порядков мезоуровня, то есть полей [Fligstein 2008b].

Бурдьё стремился отойти от традиционного противопоставления агентов и структур и показать важность и тех, и других для понимания действий акторов. Он не только одним из первых озвучил эти теоретические идеи, но и одним из первых применил их к эмпирическому исследованию конкретных кейсов. Как и следовало ожидать, в этих кейсах рассматривались преимущественно действия индивидов в полях.

Наша задача — развить эти аргументы и прочистить теоретические линзы, чтобы глубже изучать подобные явления. Наш подход расширяет объект исследования и привлекает идеи из других направлений. В результате акцента на *индивидуальном* действии в полях теория Бурдьё не лучшим образом осмысляет проблему *коллективного* действия (хотя и здесь среди его работ есть исключения, например, книга «Государственная знать» [Bourdieu 1998]). В его подходе акторы обычно занимают некоторую позицию в поле и попадают в поле, владея определённым видом капитала и обладая собственным габитусом, дающим им когнитивную рамку для интерпретации действий других участников поля. Внимание к индивидуальному уровню очень полезно. Но оно оставляет в тени очень важный аспект коллективной динамики полей. Нас же интересует, как люди сотрудничают, как группы достигают своих целей и как объяснить взаимодействие между группами. Стоит ли говорить, что для нас именно эта отправная точка, связанная со взаимодействиями, является ключевой.

В теории Бурдьё акторы обычно ориентированы только на себя, ими движет стремление отстоять свои интересы в пределах ограничений, заданных их позицией. Но теории поля следует уделять больше внимания роли согласованного действия, когда акторы не просто сосредоточены на собственном положении в поле, но ищут возможности сотрудничества с другими, принимая на себя роль других и придавая своим действиям такую форму, которая будет привлекательна для других участников поля. Мы рассматриваем эту коллективную динамику как дополнение к идее индивидуального действия, которая находится в центре концепции Бурдьё.

Одно из преимуществ нашего подхода состоит в том, что он признаёт равную ценность конкуренции и кооперации для анализа поля. Коллективное действие на базе кооперации определяется способностью акторов убедить других, что их видение проблем поля, а также идентичность, которую они предъявляют другим в ходе решения этих проблем, принесёт пользу всем участникам поля. Исследователи общественных движений и организаций часто изучают именно этот тип действия, потому что и тех и других интересуют прежде всего возникновение запроса на согласованное действие и его динамика. В этом одно из главных отличий подхода Бурдьё и его последователей от большинства исследователей полей в американской социологии.

Ещё одно отличие предлагаемого нами подхода от теории Бурдьё заключается в нашем интересе к возникновению и трансформации социальных пространств силами коллективных акторов. Большая часть работ Бурдьё нацелена на доказательство того, что поля существуют, что они задают многое в поведении акторов, акторы же довольствуются тем, что предлагают им системы. Бурдьё редко рассматривал возникновение новых полей и трансформацию тех, что уже существуют (снова не без исключений, таких как «Правила искусства» [Bourdieu 1996]). Одна из ценных наработок Бурдьё — мысль о том, что в момент возникновения сомнений в общепринятой точке зрения, которую он называл «докса», возникает по меньшей мере возможность трансформации или распада поля [Bourdieu 1977]. Но он слишком мало или почти ничего не сказал о том, как именно это происходит, как коллективные акторы создают новые идентичности и фреймы, необходимые для формирования новых полей или трансформации уже существующих. Полагаем, что в целом Бурдьё принял бы этот аспект нашей теории. Наш подход в явном виде обращается к теории социальных движений, чтобы понять механизмы возникновения поля и его трансформации, тем самым заполняя серьёзный пробел в теории поля.

Наконец, хотя Бурдьё отлично осознаёт взаимосвязанность полей, он, как правило, не стремится теоретизировать связи между полями и процессы, которые могут возникнуть в результате взаимодействия между ними (впрочем, работа «Государственная знать» предлагает ряд примечательных эмпирических примеров взаимозависимости полей [Bourdieu 1998]). В нашем подходе эти связи играют основополагающую роль для понимания стабильности и изменений в существующих полях. Их необходимо тщательно изучить и включить в теорию. Этой задаче целиком посвящена глава 4 данной книги.

Энтони Гидденс

Многие допущения о механизмах социальной жизни, изложенные в работах Энтони Гидденса, совпадают с допущениями в намеченном нами подходе. Теория структуриации Гидденса уделяет много внимания роли рефлексии акторов даже в самых рутинных процессах воспроизводства системы [Giddens 1979; 1984]. Гидденс также признаёт роль существующих структур и систем демонстрации силы в воспроизводстве социальной жизни. Он рассматривает социальные институты как совокупность правил и ресурсов. Правила — это образцы поведения, которым люди могут следовать в своей социальной жизни. Ресурсы Гидденс подразделяет на два типа: (1) ресурсы авторитета, которые определяют способность контролировать людей, и (2) аллокативные ресурсы, то есть способность контролировать материальные объекты.

Теория Гидденса использует рекурсивное понимание действий, ограничиваемых или становящихся возможными благодаря структурам, которые, в свою очередь, производятся и воспроизводятся благодаря действиям. Познания агентов о своём обществе направляют их действия, социальные структуры воспроизводятся действиями и, в свою очередь, укрепляют и поддерживают динамику действий. Гидденс определяет «онтологическую безопасность» как доверие людей к социальной структуре; повседневным действиям свойственна определённая предсказуемость, что обеспечивает социальную стабильность. Когда доверие людей к структуре исчезает, происходят социальные изменения. Акторы отказываются от нормативного способа действий и в зависимости от конкретного набора социальных факторов могут вызывать изменение социальной структуры. Возможность подобного созидющего действия обеспечивается взаимной связью структуры и действия. Таким образом, действие может вести как к воспроизводству, так и к трансформации общества.

Такой феноменологический взгляд на дуализм действия и структуры во многом родственен подходу Бурдьё и нашей точке зрения. Акторы стремятся производить и воспроизводить свои позиции в социальных структурах. Чтобы совершать свои ходы, они используют правила (например, правила поля), ресурсы (например, формы капитала) и своё понимание поля. Гидденс также предполагает, что в случае разрушения структур акторы могут переосмыслить свои миры и запустить социальные изменения.

Хотя мы находим такой подход привлекательным, он также представляется нам несколько туманным. Гидденс упускает из виду ряд важных элементов.

Во-первых, у него нет теории коллективного действия. Акторы размещаются в бесчисленных социальных структурах, внутри которых им предстоит действовать. Мотивы акторов, их фактические взаимоотношения и желание участвовать в коллективном действии ни разу не привлекли внимание Гидденса.

Во-вторых, Гидденсу недостаёт концепции арены социального действия, то есть концепции поля стратегических действий. Он предлагает намного более общую (и, мы сказали бы, более расплывчатую) идею социальной структуры. Его понимание правил и ресурсов как структуры затрудняет объяснение того, что именно определяет границы этих структур. Например, в теории полей принимается, что в поле всегда должно стоять что-то «на кону». Именно то, что в данном поле стоит «на кону», отличает

его от других полей и составляет предмет усилий акторов, стремящихся установить над ним контроль. Теория полей стратегических действий позволяет разобраться, кто является участниками поля, каковы их позиции и что они скорее всего будут делать. Она также подчёркивает, что действие социально и ориентировано на других. Понимая, что целью действия в данном поле может быть как кооперация, так и конкуренция, мы приближаемся к объяснению источника изменений в полях.

Отсутствие теории поля стратегических действий не позволяет Гидденсу преуспеть в осмыслении процессов, направляющих индивидуальное и коллективное действия в рамках поля. Теория полей стратегических действий даёт возможность оценить, в каком состоянии находится социальная структура мезоуровня — формирование, стабильность или трансформация. Без подобной теории непросто разобраться в действиях как индивидуальных, так и коллективных акторов. Наша теория полей стратегических действий определяет состояние поля, поэтому позволяет предвидеть возможное развитие событий. В формирующемся поле стратегических действий на передний план выходят вопросы о том, что происходит в поле, что в нём является ресурсом, кто и как будет создавать правила. Решаются проблемы коллективного действия, создания идентичностей и в целом оформления поля. Также наш подход обозначает источники социального изменения в полях. Прежде всего, связи между полями вызывают разрушение существующих полей или открывают новые возможности для организации поля. Наш тезис о том, что воспроизводство поля — не механический процесс, а результат серии взаимодействий, который не гарантирует точное повторение существующего порядка, объясняет ход частичных изменений в тех или иных полях. Теория полей стратегических действий даёт намного более эффективные аналитические инструменты для понимания, как возникают и меняются формы социальной жизни.

Институциональная теория

Наш подход многим обязан институциональной теории в политической науке и особенно в социологии. Институциональная теория в исследованиях организаций [Meyer, Rowan 1977; DiMaggio, Powell 1983; Scott, Meyer 1983] оперирует на том же мезоуровне, что и наш подход. Ричард Скотт и Джон Мейер используют термин «сектор» для обозначения полей как совокупности всех организаций, какие только могут повлиять на положение рассматриваемой организации [Scott, Meyer 1983]. Пол Димаджио и Уолтер Пауэлл начали с предложенного Скоттом и Мейером определения поля как совокупности всех заинтересованных акторов (*relevant actors*) и выделили три вида сил, направляющих организации в поле к схожим результатам, обозначили их как миметический и (или) подражательный, принудительный и нормативный изоморфизм. Они утверждают, что акторы организаций действуют в мирах неопределённости. Чтобы снизить неопределённость, акторы поддаются влиянию различных сил. Они могут следовать примеру успешной, по их мнению, организации. Также они могут последовать советам профессионалов или экспертов о том, что именно следует делать. Наконец, другие организации или правительство могут заставить их действовать в соответствии с определёнными ожиданиями. Эта идея породила плодотворное направление исследований распространения новых институтов в существующих полях. Мы многое перенимаем из этого подхода: внимание к полям и взаимное конституирование полей и акторов, которые в своих действиях принимают во внимание других акторов и стремятся выработать общее понимание того, что и как следует делать.

Но, признавая, что мы многим обязаны институциональному подходу, мы всё же усматриваем в нём две проблемы. Во-первых, институциональная теория — это на самом деле теория конформности в уже существующих полях. Ей не хватает теоретического основания для объяснения возникновения и трансформации полей. Институциональная теория по самой своей сути антагонистична понятию «действие». Акторы следуют правилам либо осознанно, через имитацию или по принуждению, либо неосознанно придерживаются неявной договорённости [DiMaggio 1988; Jepperson 1991]. Статью П. Димаджио «Interest and Agency in Institutional Theory» («Интерес и действие в институциональной теории»)

обычно упоминают как первоисточник идеи институциональных предпринимателей [DiMaggio 1988]. Но её главный посыл — констатация того, что институциональной теории не хватает теории действия, власти и конфликта. Димаджио потому и предлагает идею институционального предпринимателя, что хочет объяснить происходящее в поле во время его формирования или трансформации. Он предполагает, что изменение возможно лишь в том случае, если некто додумается сделать что-то новое и сумеет убедить других последовать его примеру. Но при всей своей полезности концепция институционального предпринимателя едва ли способна составить целостную теорию стабильности и изменения в полях. Димаджио не учитывает укоренённость полей стратегических действий в их внешней среде, поэтому не даёт глубокого структурного анализа видов разрушительных воздействий, которые обычно становятся катализаторами предпринимательского усилия. В итоге под видом теории действия мы получаем лишь немного завуалированную теорию «великого человека». Одним словом, чтобы институциональная теория по версии Мейера — Роузена и Димаджио — Пауэлла должным образом заработала, нужно дополнить соображения о стабильности и воспроизводстве теорией изменений, как предложено в данной работе.

Отсюда проистекает ещё одна проблема: институциональный подход серьёзно недооценивает роль власти в структурировании полей, в том числе устойчивых. Поля, по версии Мейера — Скотта и Димаджио — Пауэлла, не предусматривают наличия у акторов интересов, ресурсов или позиций, определяющих их возможный выигрыш. Акторы не маневрируют один вокруг другого, словно в игре, стремясь удержать или улучшить свою позицию, а просто следуют сценариям, предписывающим определённый ход действий. Данная проблема означает, что институциональной теории не только недостаёт теории появления нового и трансформации (что в общем-то согласуется с её основным посылом), но даже не удаётся объяснить частичные сдвиги в ходе непрекращающейся игры, которых стоит ожидать в случае изменения ситуации в поле или между полями.

Сетевой анализ

Идея использовать сетевой анализ для моделирования полей восходит к работе Димаджио и Пауэлла [DiMaggio, Powell 1983]. Есть много интересных исследований того, как сети задают форму отношений и перспективы укоренённых в них акторов. В этих исследованиях говорится, что сети могут быть источником информации [Davis, Diekmann, Tinsley 1994], ресурсной зависимости [Burt 1980], доверия [Uzzi 1996] или столкновения [Baker, Faulkner 1993]. В работе Пауэлла и его соавторов — одной из самых амбициозных попыток показать, как сети и альянсы формируют структуру всего поля, — вклад сетей во всё вышеперечисленное продемонстрирован на примере фирм в отрасли биотехнологий [Powell et al. 2005].

Однако при всех достоинствах сетевой анализ всё же не является теорией полей. Это прежде всего методология для моделирования различных аспектов отношений между акторами в поле. И хотя сетевой анализ может быть мощным инструментом для картографирования полей и особенно для отслеживания изменений в составе полей стратегических действий, он ничего не говорит о динамических процессах, определяющих форму поля. Безусловно, некоторые исследователи полей пытались теоретически осмыслить роль социальных связей или других качеств сетей в социальной динамике [Granovetter 1973; Burt 1992; Gould 1993], но, насколько нам известно, ничего подобного для теории полей сетевой подход не предложил.

С тем же ограничением при использовании сетевого анализа столкнулись теоретики социальных движений. Сетевой анализ составлял самую суть изучения социальных движений, но теория не поспевала за эмпирическими исследованиями. И хотя в этом направлении появилось впечатляющее множество работ, демонстрирующих значимость эффектов сети, особенно применительно к вовлечению в соци-

альные движения, до сих пор нет теоретического согласия в том, что именно в феномене сети объясняет сетевой эффект. Или, как несколько лет назад констатировала Флоренс Пасси, «сейчас мы знаем, что социальные связи важны для коллективного действия, но нам ещё предстоит теоретически объяснить <...> действительную роль сетей» [Passy 2003: 22].

Сетевой анализ может стать мощным подспорьем в изучении полей стратегических действий, но только как дополнение к более масштабной теории динамики поля. Картографирование структуры отношений в поле, каким бы замысловатым оно ни было, никогда не заменит глубокого анализа разделяемых (или оспариваемых) представлений, которые ложатся в основу и определяют форму поля стратегических действий. Иными словами, исследователь должен предоставить теоретическое обоснование того, почему изучаемые взаимоотношения (например, сети) имеют значение в конкретном контексте. Если поле в самом деле представляет собой арену, на которой, как предполагает наш подход, в стремлении получить преимущество сталкиваются индивиды, группы и организации, то внутренняя логика полей прописана не в структуре сети, а в культурно обусловленных концепциях власти, привилегий, ресурсов, правил и т. д., определяющих форму активности в данном поле стратегических действий.

В завершение приведём простой пример, показывающий разницу формального анализа сетей и предложенного подхода. Сторонники сетевого анализа достигли небывалого совершенства в эмпирическом картографировании исторических изменений в структуре поля. При этом изменения в отношениях между акторами в сети принято интерпретировать как содержательно значимые в поле. Если какая-либо совокупность отношений исчезает или возникает, это трактуется как напрямую измеренный случай значимого изменения в поле. Однако, не зная, как эти изменения воспринимают претенденты и доминирующие игроки поля, исследователь не может оценить наверняка их значимость, поэтому, например, изменение в отношениях между акторами будет означать для одного из них улучшение позиции в поле, но для поля в целом ничего значимого не произойдёт. В то же время в иных обстоятельствах возвышение одного актора способно стать предвестником колоссальных перемен в структуре всего поля стратегических действий. Проблема в том, что методика сетевого анализа, описывающая изменение лишь позиции этого одного актора, не скажет, какой из двух исходов реализуется. Только соединив мастерство сетевого анализа в выявлении структур с вниманием к смыслу изменений для всех заинтересованных акторов поля, мы увидим, приведёт ли некое изменение в сетевой структуре к последствиям для всего поля.

Теория социальных движений

Последний подход, который мы рассмотрим, — это теория социальных движений³. В намеченных выше элементах нашего подхода нетрудно заметить, что многое в нашей теории взято из исследований социальных движений. Ряд ключевых понятий (фрейминг, политические возможности, разрушение и урегулирование, ситуации противоборств, доминирующие игроки и претенденты) напрямую заимствованы из теории социальных движений. В то же время предложенная здесь теоретическая рамка охватывает намного более широкий круг явлений, чем теория социальных движений, а также отличается от неё в ряде других важнейших аспектов. Начнём с того, что в отличие от описанных выше организационных подходов, теория социальных движений никогда не ориентировалась на понятие «поле». Далее, как следует из самого названия, изучение социальных движений — очень специализированное, «движениецентричное» научное направление [Walder 2009b; McAdam, Boudet 2012], тогда как предложенная здесь теория подчёркивает особую важность взаимодействия не только акторов внутри поля, но и между полем и средой, в которой оно укоренено. Наконец, если сторонникам институционального

³ На самом деле, было предложено несколько разных теорий социальных движений (например, теория коллективного поведения, теория новых социальных движений). В данном случае термин «теория социальных движений» используется для обозначения получившего наибольшее распространение в последние 20 лет подхода на основе концепций *мобилизации ресурсов, политического процесса и теории фрейминга*.

подхода лучше удавалось объяснение источников стабильности и воспроизводства, то исследователи социальных движений ожидаемо преуспели в объяснении динамики конфликтов и изменений. Соответственно теория социальных движений очень немного говорит о процессах, которые обеспечивают стабильность и порядок в полях стратегических действий. Напротив, цель предложенного здесь подхода — объяснить процессы возникновения, стабильности, а также трансформации поля.

Каждое из рассмотренных выше научных направлений подмечает один из важных аспектов функционирования полей стратегических действий. Тот факт, что исследователи разных направлений нашли точки соприкосновения и заимствовали элементы теорий друг друга, означает переключку их идей. Однако все эти альтернативные подходы не смогли распознать своё глубинное теоретическое родство. Теория полей стратегических действий — намного более масштабный подход, который позволит понять, как производятся, поддерживаются и распадаются социальные порядки мезоуровня. Наш краткий обзор показывает, что каждый из подходов, не заметив глубинный уровень конвергенции идей, предложил неполную картину организации социальной жизни.

Заключение

Одна из сквозных тем социологии — существование влиятельных социальных институтов и структур, чрезвычайно устойчивых к изменениям. «Жадные» институты, классовые структуры, корпорации — все они рассматриваются как устойчивые структуры, противостоящие изменениям даже в самые турбулентные времена. Капиталисты всегда побеждают, государственное всегда сильнее негосударственного, а социальные движения в большинстве случаев обречены на провал. Мы полагаем, что такое представление в лучшем случае неполно, в худшем — вводит в заблуждение. Поля стратегических действий представляют собой повторяющиеся игры. Даже в стабильных полях игра никогда не прекращается, и навыки претендентов и (или) дестабилизирующие изменения в ближайших полях могут сделать доминирующих игроков уязвимыми и воспрепятствовать воспроизводству поля. Но и в других случаях правила, состав и структура поля всегда остаются предметом игры. Воспроизводство поля может быть нормой, однако его всегда сопровождают рутинное маневрирование в поиске лучшей позиции и постепенные изменения. С появлением новых и исчезновением прежних акторов правила меняются и отношения доминирующих игроков и претендентов пересматриваются. Подобные частичные корректировки свойственны почти всем полям, даже самым устойчивым.

Этот вид постепенных изменений отличается от более редких, но всё же достаточно распространённых ситуаций возникновения и трансформации поля, когда меняется сам порядок. Внезапно появляются новые поля, прежние поля трансформируются или вовсе разрушаются и исчезают. Динамика этих процессов иная. Доминирующие игроки борются за выживание, возникают новые или усиливаются уже присутствующие в поле претенденты. Именно в такие моменты становятся заметны новые идентичности и новые разделяемые смыслы, которые начинают задают новые интересы, создавая необычные и инновационные социальные формы. Но независимо от вида изменений перед коллективными стратегическими акторами стоит задача организовать свои группы, мотивировать их участников и организовать действие против других групп. В спокойные времена структурные позиции акторов во многом предопределяют их судьбу. Когда правила, ресурсы и политические альянсы устроены к выгоде доминирующих игроков, квалифицированным социальным акторам в группах, претендующих на власть, придётся стараться изо всех сил, чтобы выжить или улучшить свою позицию. Квалифицированные стратегические акторы в доминирующих группах, заручившиеся поддержкой внутренних управленческих единиц и союзников в ближайших государственных полях, используют существующие правила и ресурсы, чтобы воспроизвести свои преимущества. Но когда ресурсы и правила «возвращаются в игру», а существующий порядок расшатывается, квалифицированные социальные акторы будут вести ожесточённую борьбу за возможность создать альтернативный порядок.

Остальная часть книги посвящена подробному изложению этой теории. В главе 2 мы сформулируем микрооснование теории, замахнувшись на фундаментальное теоретическое осмысление с учётом природы современного человека и базовых способностей людей к коммуникации и (или) взаимодействию. В главе 3 перейдём с микро- на макроуровень. Как отмечалось ранее, все остальные подходы к изучению полей, на наш взгляд, чересчур «полецетричны». Они занимаются только внутренней динамикой в полях стратегических действий. Нам это тоже важно, однако, по нашему убеждению, чтобы по-настоящему понять поле и происходящее с ним, начинать следует с последовательного определения его места в сложном сплетении внешних полей (государственных и негосударственных), с которыми оно связано. Да и само различие внутреннего и внешнего представляется довольно надуманным. Точнее будет сказать, что внутреннее и внешнее существуют в сложной взаимосвязи, задающей возможности для возникновения, стабильности и изменения поля. В главе 4 мы увязываем макродинамику с вопросами изменения и стабильности в полях.

В главе 5 концептуальная схема применяется к подробному разбору двух кейсов. Наша цель — с помощью этой схемы понять явления, которые на первый взгляд не имеют ничего общего. Мы иллюстрируем принципы своего подхода, предлагая новую трактовку революционных сдвигов в борьбе за гражданские права в Соединённых Штатах в XX веке как истории разрушения национального поля расовой политики, вызванного дестабилизирующими изменениями в трёх ближайших полях. Для контраста на роль второго кейса мы выбрали исследование рынка ипотечных кредитов в США — от его формирования в 1960-х гг. до пика 1990-х гг. и падения в 2000-х. Надеемся, что глава 5 убедительно продемонстрирует аналитическую пользу от осмысления этих кейсов в терминах полей. В главе 6 мы обращаемся к методологическим аспектам теории, предлагая прикладную схему для всякого, кто захочет применить наш подход для изучения конкретного поля стратегических действий. В завершающей книге главе 7 мы подводим итоги и акцентируем внимание на самых важных идеях и выводах предложенной в этой книге теории.

Литература

Abend G. 2008. The Meaning of 'Theory'. *Sociological Theory*. 26 (2): 173–199.

Alexander J. et al. (eds) 1987. *The Micro-Macro Link*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.

Armstrong E. 2002. *Forging Gay Identities: Organizing Sexuality in San Francisco, 1950–1994*. Chicago: University of Chicago Press.

Baker W., Faulkner R. 1993. The Social Organization of Conspiracy: Illegal Networks in the Heavy Electrical Equipment Industry. *American Sociological Review*. 58 (6): 837–860.

Benford R. Snow D. 2000. Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. 26: 611–639.

Binder A. 2002. *Contentious Curricula: Afrocentrism and Creationism in American Public Schools*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Bourdieu P. 1977. *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Bourdieu P. 1984. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Bourdieu P. 1996. *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P. 1998. *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Wacquant L. 1992. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago: University of Chicago Press.
- Brown L., Fox J. 1998. Accountability within Transnational Coalitions. In: Fox J., Brown L. (eds) *The Struggle for Accountability: The World Bank, NGOs, and Grassroots Movements*. Cambridge, MA: MIT Press; 439–484.
- Burt R. 1980. Cooptive Corporate Actor Networks: A Reconsideration of Interlocking Directorates Involving American Manufacturing. *Administrative Science Quarterly*. 25 (4): 557–582.
- Burt R. 1992. *Structural Holes: The Social Structure of Competition*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Campbell J. 2005. Where Do We Stand? Common Mechanisms in Organizations and Social Movements Research. In: Davis G. et al. (eds) *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 41–68.
- Clemens E. 1993. Organizational Repertoires and Institutional Change: Women's Groups and the Transformation of U.S. Politics, 1890–1920. *American Journal of Sociology*. 98 (4): 755–798.
- Clemens E. 1996. Organizational Form as Frame: Collective Identity and Political Strategy in the American Labor Movement, 1880–1920. In: McAdam D., McCarthy J. D., Zald M. (eds) *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 205–226.
- Clemens E. 1997. *The People's Lobby: Organizational Innovation and the Rise of Interest Group Politics in the United States, 1890–1925*. Chicago: University of Chicago Press.
- Clemens E., Minkoff D. 2004. Beyond the Iron Law: Rethinking the Place of Organizations in Social Movement Research. In: Snow D., Soule S., Kriesi H. (eds) *The Blackwell Companion to Social Movements*. Malden, MA: Blackwell; 155–170.
- Coleman J. 1986. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*. 91 (6): 1309–1335.
- Creed W. E. D. 2003. Voice Lessons: Tempered Radicalism and the Use of Voice and Silence. *Journal of Management Studies* 40 (6): 1503–1536.
- Cress D. 1997. Nonprofit Incorporation among Movements of the Poor: Pathways and Consequences for Homeless Social Movement Organizations. *The Sociological Quarterly*. 38 (2): 343–360.
- Davis G., Diekmann K., Tinsley C. 1994. The Decline and Fall of the Conglomerate Firm in the 1980s: The Deinstitutionalization of an Organizational Form. *American Sociological Review*. 59 (4): 547–570.

- Davis G., McAdam D. 2000. Corporations, Classes, and Social Movements after Managerialism. *Research in Organizational Behavior*. 22: 193–236.
- Davis G. et al. (eds) 2005. *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Davis G., Thompson T. 1994. A Social Movement Perspective on Corporate Control. *Administrative Science Quarterly*. 39 (2): 141–173.
- DiMaggio P. 1986. Structural Analysis of Organizational Fields: A Blockmodel Approach. *Research in Organizational Behavior*. 8: 335–370.
- DiMaggio P. 1988. Interest and Agency in Institutional Theory. In: Zucker L. (ed.) *Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment*. Cambridge, MA: Ballinger Publishing; 3–21.
- DiMaggio P. 1991. Constructing an Organizational Field as a Professional Project: US Art Museums, 1920–1940. In: Powell W., DiMaggio P. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press; 267–292.
- DiMaggio P., Powell W. 1983. The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*. 48 (2): 147–160. См. также рус. перев.: Димаджио П., Пауэлл У. 2000. Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. *Экономическая социология*. 11 (1): 34–56. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204985/ecsoc_t11_n1.pdf#page=34
- Dobbin F. 1994. *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Dobbin F., Sutton J. 1998. The Strength of a Weak State: The Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions. *American Journal of Sociology*. 104 (2): 441–476.
- Emirbayer M., Johnson V. 2008. Bourdieu and Organizational Analysis. *Theory and Society*. 37: 1–44. URL: <https://doi.org/10.1007/s11186-007-9052-y>
- Epstein S. 1987. Gay Politics, Ethnic Identity: The Limits of Social Constructionism. *Socialist Review*. 93/94: 9–54.
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds) 1985. *Bringing the State Back In*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N. 1981. *Going North: Migration of Blacks and Whites from the South, 1900–1950*. New York: Academic Press.
- Fligstein N. 1985. The Spread of the Multidivisional Form among Large Firms, 1919–1979. *American Sociological Review*. 50 (3): 377–391.
- Fligstein N. 1987. The Intraorganizational Power Struggle: Rise of Finance Personnel to Top Leadership in Large Corporations, 1919–1979. *American Sociological Review*. 52 (1): 44–58.

- Fligstein N. 1990. *The Transformation of Corporate Control*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fligstein N. 1996. Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*. 61 (4): 656–673. См. также рус. перев.: Флигстин Н. 2004. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. В сб.: Радаев В. В. (сост.; науч. ред.) *Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики*. М.: РОССПЭН; 185-210; то же: *Экономическая социология*. 2003. 4 (1): 45–63. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204951/ecsoc_t4_n1.pdf#page=45
- Fligstein N. 2001a. Social Skill and the Theory of Fields. *Sociological Theory*. 19 (2): 105–125.
- Fligstein N. 2001b. *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*. Princeton, NJ: Princeton University Press. См. также рус. перев.: Флигстин Н. 2013. *Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Fligstein N. 2008a. *Euroclash: The EU, European Identity and the Future of Europe*. Oxford: Oxford University Press.
- Fligstein N. 2008b. Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of the New Institutionalisms. *International Public Management Review*. 9 (1): 227–252.
- Fraser N. 2003. *The Radical Imagination: Between Redistribution and Recognition*. Frankfurt: Springer.
- Friedland R., Alford R. 1991. Bringing Society Back in Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. In: Powell W., DiMaggio P. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press; 232–263.
- Gamson W. 1975. *The Strategy of Social Protest*. Homewood, IL: Dorsey Press.
- Ganz M. 2000. Resources and Resourcefulness: Strategic Capacity in the Unionization of California Agriculture, 1959–1966. *American Journal of Sociology*. 105 (4): 1003–1062.
- Ganz M. 2009. *Why David Sometimes Wins: Leadership, Organization, and Strategy in the California Farm Worker Movement*. Oxford: Oxford University Press.
- Giddens A. 1979. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: University of California Press.
- Giddens A. 1984. *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Berkeley: University of California Press.
- Giddens A. 1990. *The Consequences of Modernity*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Goffman E. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, NY: Doubleday.
- Goffman E. 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Goffman E. 1974. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Goldstone J. 2004. More Social Movements or Fewer? Beyond Political Opportunity Structures to Relational Fields. *Theory and Society*. 33 (3-4): 333–365.
- Gould R. 1991. Multiple Networks and Mobilization in the Paris Commune, 1871. *American Sociological Review*. 56 (6): 716–729.
- Gould R. 1993. Collective Action and Network Structure. *American Sociological Review*. 58 (2): 182–196.
- Granovetter M. 1973. The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*. 78 (6): 1360–1380. См. также рус. перев.: Грановеттер М. 2009. Сила слабых связей. *Экономическая социология*. 10 (4): 31–50. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204981/ecsoc_t10_n4.pdf#page=31
- Haveman H. A., Rao H. 1997. Structuring a Theory of Moral Sentiments: Institutional and Organizational Coevolution in the Early Textile Industry. *American Journal of Sociology*. 102 (6): 1606–1651.
- Honneth A. 1995. *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge, MA: Polity Press.
- Jasper J. 2004. A Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices. *Mobilization*. 9 (1): 1–16.
- Jasper J. 2006. *Getting Your Way: Strategic Dilemmas in the Real World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Jenkins J. C., Eckert C. 1986. Channeling Black Insurgency: Elite Patronage and Professional Social Movement Organizations in the Development of the Black Movement. *American Sociological Review*. 51 (6): 812–829.
- Jepperson R. 1991. Institutions, Institutional Effects, and Institutionalism. In: Powell W., DiMaggio P. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press; 143–163.
- Kurzban R. 1998. Organizational Opportunity and Social Movement Mobilization: A Comparative Analysis of Four Religious Movements. *Mobilization*. 3 (1): 23–49.
- Laumann E., Knoke D. 1987. *The Organizational State: Social Choice in National Policy Domains*. Madison: University of Wisconsin Press.
- Lounsbury M., Ventresca M., Hirsch P. 2003. Social Movements, Field Frames, and Industry Emergence: A Cultural-Political Perspective on U.S. Recycling. *Socio-Economic Review*. 1 (1): 71–104.
- Mahoney J., Thelen K. (eds) 2009. *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Martin J. L. 2003. What Is Field Theory? *American Journal of Sociology*. 109 (1): 1–49.
- Martin J. L. 2009. *Social Structures*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Meyer J., Rowan B. 1977. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. 83 (2): 340–363. См. также рус. перев.: Мейер Дж., Роуэн Б. 2011. Институцио-

нализированные организации: формальная структура как миф и церемониал. *Экономическая социология*. 12 (1): 43–67. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1259551850/ecsoc_t12_n1.pdf#page=43

- Meyer D., Whittier N. 1994. Social Movement Spillover. *Social Problems*. 41 (2): 277–298.
- McAdam D. 1988. *Freedom Summer*. New York: Oxford University Press.
- McAdam D. 1995. ‘Initiator’ and ‘Spin-off’ Movements: Diffusion Processes in Protest Cycles. In: Traugott M. (ed.) *Repertoires and Cycles of Collective Action*. Durham, NC: Duke University Press; 217–239.
- McAdam D. 1999. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press.
- McAdam D. 2007. Legacies of Anti-Americanism: A Sociological Perspective. In: Katzenstein P., Keohane R. (eds) *Anti-Americanisms in World Politics*. Ithaca, NY: Cornell University Press; 251–269.
- McAdam D., Boudet H. 2012. *Putting Movements in Their Place: Explaining Variation in Community Response to the Siting of Energy Projects*. New York: Cambridge University Press.
- McAdam D., Scott W. R. 2005. Organizations and Movements. In: Davis G. et al. (eds) *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 4–40.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. 2001. *Dynamics of Contention*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- McCammon H. 2001. Stirring Up Suffrage Sentiment: The Formation of the State Woman Suffrage Organizations, 1866–1914. *Social Forces*. 80 (2): 449–480.
- McCarthy J. D., Zald M. 1973. *The Trend of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization*. Morristown, NJ: General Learning Press.
- McCarthy J. D., Zald M. 1977. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*. 82 (6): 1212–1241.
- Mead G. H. 1934. *Mind, Self, and Society*. Chicago: University of Chicago Press.
- Minkoff D. 1995. *Organizing for Equality: The Evolution of Women’s and Racial-Ethnic Organizations in America, 1955–1985*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press
- Moore K., Hala N. 2002. Organizing Identity: The Creation of Science for the People. In: Lounsbury M., Ventresca M. J. (eds) *Social Structure and Organizations Revisited*. Book series: Research in the Sociology of Organizations. 19. Bradford, UK: Emerald Group; 309–335.
- Morrill C., Zald M., Rao H. 2003. Covert Political Conflict in Organizations: Challenges from Below. *Annual Review of Sociology*. 29: 391–415.
- Padgett J., Ansell C. 1993. Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. *American Journal of Sociology*. 98 (6): 1259–1319.
- Passy F. 2003. Social Networks Matter. But How? In: Diani M., McAdam D. (eds) *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action*. Oxford: Oxford University Press; 21–48.

- Powell W., DiMaggio P. (eds) 1991. *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press.
- Powell W. et al. 2005. Network Dynamics and Field Evolution: The Growth of Interorganizational Collaboration in the Life Sciences. *American Journal of Sociology*. 110 (4): 1132–1205.
- Rao H. 2009. *Market Rebels: How Activists Make or Break Radical Innovations*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rao H., Morrill C., Zald M. 2000. Power Plays: How Social Movements and Collective Action Create New Organizational Forms. *Research in Organizational Behavior*. 22: 237–281.
- Rosenberg H. 1958. *Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sabatier P. (ed.) 2007. *Theories of the Policy Process*. Boulder, CO: Westview Press.
- Sallaz J., Zavisca J. 2007. Bourdieu in American Sociology, 1980–2004. *Annual Review of Sociology*. 33: 21–41.
- Scharpf F. 1997. *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*. Boulder, CO: Westview Press.
- Schneiberg M., Soule S. 2005. Institutionalization as a Contested, Multilevel Process: The Case of Rate Regulation in American Fire Insurance. In: Davis G. et al. (eds) *Social Movements and Organization Theory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press; 122–160.
- Scott W. R. 2001. *Institutions and Organizations*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Scott W. R., Meyer J. 1983. The Organization of Societal Sectors. In: Meyer J., Scott W. R. (eds) *Organizational Environments: Ritual and Rationality*. Beverly Hills, CA: SAGE; 129–153.
- Sewell W. 1992. A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation. *American Journal of Sociology*. 98 (1): 1–29.
- Smith J. 2002. Bridging Global Divides? Strategic Framing and Solidarity in Transnational Social Movement Organizations. *International Sociology*. 17 (4): 505–528.
- Snow D., Benford R. 1988. Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization. In: Klandermans B., Kriesi H., Tarrow S. (eds) *From Structure to Action: Comparing Social Movement Research Across Cultures*. Book series: International Social Movement Research. 1. Greenwich, CT: JAI Press; 197–218.
- Snow D. et al. 1986. Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation. *American Sociological Review*. 51 (4): 464–481.
- Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds) 1992. *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Strang D., Soule S. 1998. Diffusion in Organizations and Social Movements: From Hybrid Corn to Poison Pills. *Annual Review of Sociology*. 24: 265–290.

- Stryker R. 1994. Rules, Resources, and Legitimacy Processes: Some Implications for Social Conflict, Order, and Change. *American Journal of Sociology*. 99 (4): 847–910.
- Swaminathan A., Wade J. 2001. Social Movement Theory and the Evolution of New Organizational Forms. In: Schoonhoven C. B., Romanelli E. (eds) *The Entrepreneurship Dynamic: Origins of Entrepreneurship and the Evolution of Industries*. Stanford, CA: Stanford University Press; 286–313.
- Tarrow S. 2011. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd ed. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Tilly C. 1978. *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Uzzi B. 1996. The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect. *American Sociological Review*. 61 (4): 674–698. См. также рус. перев.: Уцци Б. 2007. Источники и последствия укоренённости для экономической эффективности организаций: влияние сетей. *Экономическая социология*. 8 (3): 44–60 (URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204937/ecsoc_t8_n3.pdf#page=44); 8 (4): 43–59 (URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204942/ecsoc_t8_n4.pdf#page=43); см. то же: Радаев В. В., Добрякова М. С. (отв. ред.) *Анализ рынков в современной экономической социологии*. М.: Изд. дом ВШЭ; 208–252.
- Wagner-Pacifici R. 2000. *Theorizing the Standoff: Contingency in Action*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Walder A. 2009a. *Fractured Rebellion: The Beijing Red Guard Movement*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Walder A. 2009b. Political Sociology and Social Movements. *Annual Review of Sociology*. 35: 393–412.
- Weber K., Rao H., Thomas L. G. 2009. From Streets to Suites: How the Anti-Biotech Movement Affected German Pharmaceutical Firms. *American Sociological Review*. 74 (1): 106–127.
- White H. 1992. *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

NEW TRANSLATIONS

Neil Fligstein, Doug McAdam

A Theory of Fields (Excerpt)

FLIGSTEIN, Neil — Professor, Department of Sociology, University of California. Address: 410 Social Sciences Building, Berkeley, CA 94720-1980, USA.

Email: fligst@berkeley.edu

MCADAM, Doug — The Ray Lyman Wilbur Professor of Sociology, Stanford University and the former Director of the Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences. Address: 450 Jane Stanford Way, Stanford, CA 94305-2047, USA.

Email: mcadam@stanford.edu

Abstract

The central goal of this book is to explicate an integrated theory that explains how stability and change are achieved by social actors in circumscribed social arenas. The theory rests on a view that sees strategic action fields, which can be defined as mesolevel social orders, as the basic structural building blocks of modern political/organizational life in the economy, civil society, and the state. In constructing a new perspective, the authors draw upon the rich body of integrative scholarship produced by economic sociologists, institutional theorists in both sociology and political science, and social movement scholars.

The *Journal of Economic Sociology* is pleased to publish the first chapter, “The Gist of It.” In this chapter, the authors sketch the basic features of this perspective in some detail, differentiating the new elements from the old, including Bourdieu, Giddens, institutional theory, network analysis, and social movement theory.

Keywords: new institutionalism; theory of fields; strategic action; social structuration; social order; social changes.

References

- Abend G. (2008) The Meaning of ‘Theory’. *Sociological Theory*, vol. 26, no 2, pp. 173–199.
- Alexander J., Giesen B., Münch R., Smelser N. (eds) (1987) *The Micro-Macro Link*, Berkeley: University of California Press.
- Armstrong E. (2002) *Forging Gay Identities: Organizing Sexuality in San Francisco, 1950–1994*, Chicago: University of Chicago Press.
- Baker W., Faulkner R. (1993) The Social Organization of Conspiracy: Illegal Networks in the Heavy Electrical Equipment Industry. *American Sociological Review*, vol. 58, no 6, pp. 837–860.
- Benford R., Snow D. (2000) Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*, vol. 26, pp. 611–639.
- Binder A. (2002) *Contentious Curricula: Afrocentrism and Creationism in American Public Schools*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Bourdieu P. (1984) *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Bourdieu P. (1996) *The Rules of Art: Genesis and Structure of the Literary Field*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P. (1998) *The State Nobility: Elite Schools in the Field of Power*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Bourdieu P., Wacquant L. (1992) *An Invitation to Reflexive Sociology*, Chicago: University of Chicago Press.
- Brown L., Fox J. (1998) Accountability within Transnational Coalitions. *The Struggle for Accountability: The World Bank, NGOs, and Grassroots Movements* (eds. J. Fox, L. Brown), Cambridge, MA: MIT Press, pp. 439–484.
- Burt R. (1980) Cooptive Corporate Actor Networks: A Reconsideration of Interlocking Directorates Involving American Manufacturing. *Administrative Science Quarterly*, vol. 25, no 4, pp. 557–582.
- Burt R. (1992) *Structural Holes: The Social Structure of Competition*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Campbell J. (2005) Where Do We Stand? Common Mechanisms in Organizations and Social Movements Research. *Social Movements and Organization Theory* (eds. G. Davis, D. McAdam, W. R. Scott, M. Zald), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 41–68.
- Clemens E. (1993) Organizational Repertoires and Institutional Change: Women's Groups and the Transformation of U.S. Politics, 1890–1920. *American Journal of Sociology*, vol. 98, no 4, pp. 755–798.
- Clemens E. (1996) Organizational Form as Frame: Collective Identity and Political Strategy in the American Labor Movement, 1880–1920. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* (eds. D. McAdam, J. D. McCarthy, M. Zald), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 205–226.
- Clemens E. (1997) *The People's Lobby: Organizational Innovation and the Rise of Interest Group Politics in the United States, 1890–1925*, Chicago: University of Chicago Press.
- Clemens E., Minkoff D. (2004) Beyond the Iron Law: Rethinking the Place of Organizations in Social Movement Research. *The Blackwell Companion to Social Movements* (eds. D. Snow, S. Soule, H. Kriesi), Malden, MA: Blackwell, pp. 155–170.
- Coleman J. (1986) Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *American Journal of Sociology*, vol. 91, no 6, pp. 1309–1335.
- Creed W. E. D. (2003) Voice Lessons: Tempered Radicalism and the Use of Voice and Silence. *Journal of Management Studies*, vol. 40, no 6, pp. 1503–1536.
- Cress D. (1997) Nonprofit Incorporation among Movements of the Poor: Pathways and Consequences for Homeless Social Movement Organizations. *The Sociological Quarterly*, vol. 38, no 2, pp. 343–360.
- Davis G., Diekmann K., Tinsley C. (1994) The Decline and Fall of the Conglomerate Firm in the 1980s: The Deinstitutionalization of an Organizational Form. *American Sociological Review*, vol. 59, no 4, pp. 547–570.

- Davis G., McAdam D. (2000) Corporations, Classes, and Social Movements after Managerialism. *Research in Organizational Behavior*, vol. 22, pp. 193–236.
- Davis G., McAdam D., Scott W. R., Zald M. (eds) (2005) *Social Movements and Organization Theory*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Davis G., Thompson T. (1994) A Social Movement Perspective on Corporate Control. *Administrative Science Quarterly*, vol. 39, no 2, pp. 141–173.
- DiMaggio P. (1986) Structural Analysis of Organizational Fields: A Blockmodel Approach. *Research in Organizational Behavior*, vol. 8, pp. 335–370.
- DiMaggio P. (1988) Interest and Agency in Institutional Theory. *Institutional Patterns and Organizations: Culture and Environment* (ed. L. Zucker), Cambridge, MA: Ballinger Publishing, pp. 3–21.
- DiMaggio P. (1991) Constructing an Organizational Field as a Professional Project: US Art Museums, 1920–1940. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. Powell, P. DiMaggio), Chicago: University of Chicago Press, pp. 267–292.
- DiMaggio P., Powell W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Dobbin F. (1994) *Forging Industrial Policy: The United States, Britain, and France in the Railway Age*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Dobbin F., Sutton J. (1998) The Strength of a Weak State: The Rights Revolution and the Rise of Human Resources Management Divisions. *American Journal of Sociology*, vol. 104, no 2, pp. 441–476.
- Emirbayer M., Johnson V. (2008) Bourdieu and Organizational Analysis. *Theory and Society*, vol. 37, pp. 1–44. Available at: <https://doi.org/10.1007/s11186-007-9052-y> (accessed 3 January 2022).
- Epstein S. (1987) Gay Politics, Ethnic Identity: The Limits of Social Constructionism. *Socialist Review*, vol. 93/94, pp. 9–54.
- Evans P., Rueschemeyer D., Skocpol T. (eds) (1985) *Bringing the State Back In*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Fligstein N. (1981) *Going North: Migration of Blacks and Whites from the South, 1900–1950*, New York: Academic Press.
- Fligstein N. (1985) The Spread of the Multidivisional Form among Large Firms, 1919–1979. *American Sociological Review*, vol. 50, no 3, pp. 377–391.
- Fligstein N. (1987) The Intraorganizational Power Struggle: Rise of Finance Personnel to Top Leadership in Large Corporations, 1919–1979. *American Sociological Review*, vol. 52, no 1, pp. 44–58.
- Fligstein N. (1990) *The Transformation of Corporate Control*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fligstein N. (1996) Markets as Politics: A Political–Cultural Approach to Market Institutions. *American Sociological Review*, vol. 61, no 4, pp. 656–673

- Fligstein N. (2001a) Social Skill and the Theory of Fields. *Sociological Theory*, vol. 19, no 2, pp. 105–125.
- Fligstein N. (2001b) *The Architecture of Markets: An Economic Sociology of Twenty-First-Century Capitalist Societies*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Fligstein N. (2008a) *Euroclash: The EU, European Identity and the Future of Europe*, Oxford: Oxford University Press.
- Fligstein N. (2008b) Fields, Power, and Social Skill: A Critical Analysis of the New Institutionalisms. *International Public Management Review*, vol. 9, no 1, pp. 227–252.
- Fraser N. (2003) *The Radical Imagination: Between Redistribution and Recognition*, Frankfurt: Springer.
- Friedland R., Alford R. (1991) Bringing Society Back In: Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. Powell, P. DiMaggio), Chicago: University of Chicago Press, pp. 232–263.
- Gamson W. (1975) *The Strategy of Social Protest*, Homewood, IL: Dorsey Press.
- Ganz M. (2000) Resources and Resourcefulness: Strategic Capacity in the Unionization of California Agriculture, 1959–1966. *American Journal of Sociology*, vol. 105, no 4, pp. 1003–1062.
- Ganz M. (2009) *Why David Sometimes Wins: Leadership, Organization, and Strategy in the California Farm Worker Movement*, Oxford: Oxford University Press.
- Giddens A. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*, Berkeley: University of California Press.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*, Berkeley: University of California Press.
- Giddens A. (1990) *The Consequences of Modernity*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*, Garden City, NY: Doubleday.
- Goffman E. (1963) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*, Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Goffman E. (1974) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Goldstone J. (2004) More Social Movements or Fewer? Beyond Political Opportunity Structures to Relational Fields. *Theory and Society*, vol. 33, no 3-4, pp. 333–365.
- Gould R. (1991) Multiple Networks and Mobilization in the Paris Commune, 1871. *American Sociological Review*, vol. 56, no 6, pp. 716–729.
- Gould R. (1993) Collective Action and Network Structure. *American Sociological Review*, vol. 58, no 2, pp. 182–196.

- Granovetter M. (1973) The Strength of Weak Ties. *American Journal of Sociology*, vol. 78, no 6, pp. 1360–1380.
- Haveman H. A., Rao H. (1997) Structuring a Theory of Moral Sentiments: Institutional and Organizational Coevolution in the Early Thrift Industry. *American Journal of Sociology*, vol. 102, no 6, pp. 1606–1651.
- Honneth A. (1995) *The Struggle for Recognition: The Moral Grammar of Social Conflicts*, Cambridge, MA: Polity Press.
- Jasper J. (2004) A Strategic Approach to Collective Action: Looking for Agency in Social-Movement Choices. *Mobilization*, vol. 9, no 1, pp. 1–16.
- Jasper J. (2006) *Getting Your Way: Strategic Dilemmas in the Real World*, Chicago: University of Chicago Press.
- Jenkins J. C., Eckert C. (1986) Channeling Black Insurgency: Elite Patronage and Professional Social Movement Organizations in the Development of the Black Movement. *American Sociological Review*, vol. 51, no 6, pp. 812–829.
- Jepperson R. (1991) Institutions, Institutional Effects, and Institutionalism. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. Powell, P. DiMaggio), Chicago: University of Chicago Press, pp. 143–163.
- Kurzban C. (1998) Organizational Opportunity and Social Movement Mobilization: A Comparative Analysis of Four Religious Movements. *Mobilization*, vol. 3, no 1, pp. 23–49.
- Laumann E., Knoke D. (1987) *The Organizational State: Social Choice in National Policy Domains*, Madison: University of Wisconsin Press.
- Lounsbury M., Ventresca M., Hirsch P. (2003) Social Movements, Field Frames, and Industry Emergence: A Cultural-Political Perspective on U.S. Recycling. *Socio-Economic Review*, vol. 1, no 1, pp. 71–104.
- Mahoney J., Thelen K. (eds) (2009) *Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Martin J. L. (2003) What Is Field Theory? *American Journal of Sociology*, vol. 109, no 1, pp. 1–49.
- Martin J. L. (2009) *Social Structures*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Meyer J., Rowan B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*, vol. 83, no 2, pp. 340–363.
- Meyer D., Whittier N. (1994) Social Movement Spillover. *Social Problems*, vol. 41, no 2, pp. 277–298.
- McAdam D. (1988) *Freedom Summer*, New York: Oxford University Press.
- McAdam D. (1995) ‘Initiator’ and ‘Spin-off’ Movements: Diffusion Processes in Protest Cycles. *Repertoires and Cycles of Collective Action* (ed. M. Traugott), Durham, NC: Duke University Press, pp. 217–239.

- McAdam D. (1999) *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930–1970*. 2nd ed., Chicago: University of Chicago Press.
- McAdam D. (2007) Legacies of Anti-Americanism: A Sociological Perspective. *Anti-Americanisms in World Politics* (eds. P. Katzenstein, R. Keohane), Ithaca, NY: Cornell University Press, pp. 251–269.
- McAdam D., Boudet (2012) *Putting Movements in Their Place: Explaining Variation in Community Response to the Siting of Energy Projects*, New York: Cambridge University Press.
- McAdam D., Scott W. R. (2005) Organizations and Movements. *Social Movements and Organization Theory* (eds. G. Davis, D. McAdam, W. R. Scott, M. Zald), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 4–40.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- McCammon H. (2001) Stirring Up Suffrage Sentiment: The Formation of the State Woman Suffrage Organizations, 1866–1914. *Social Forces*, vol. 80, no 2, pp. 449–480.
- McCarthy J. D., Zald M. (1973) *The Trend of Social Movements in America: Professionalization and Resource Mobilization*, Morristown, NJ: General Learning Press.
- McCarthy J. D., Zald M. (1977) Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 82, no 6, pp. 1212–1241.
- Mead G. H. (1934) *Mind, Self, and Society*, Chicago: University of Chicago Press.
- Minkoff D. (1995) *Organizing for Equality: The Evolution of Women's and Racial-Ethnic Organizations in America, 1955–1985*, New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Moore K., Hala N. (2002) Organizing Identity: The Creation of Science for the People. *Social Structure and Organizations Revisited* (eds. M. Lounsbury, M. J. Ventresca). Book series: Research in the Sociology of Organizations, vol. 19, Bradford, UK: Emerald Group, pp. 309–335.
- Morrill C., Zald M., Rao H. (2003) Covert Political Conflict in Organizations: Challenges from Below. *Annual Review of Sociology*, vol. 29, pp. 391–415.
- Padgett J., Ansell C. (1993) Robust Action and the Rise of the Medici, 1400–1434. *American Journal of Sociology*, vol. 98, no 6, pp. 1259–1319.
- Passy F. (2003) Social Networks Matter. But How? *Social Movements and Networks: Relational Approaches to Collective Action* (eds. M. Diani, D. McAdam), Oxford: Oxford University Press, pp. 21–48.
- Powell W., DiMaggio P. (eds) (1991) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, Chicago: University of Chicago Press.
- Powell W., White D., Koput K., Owen-Smith J. (2005) Network Dynamics and Field Evolution: The Growth of Interorganizational Collaboration in the Life Sciences. *American Journal of Sociology*, vol. 110, no 4, pp. 1132–1205.

- Rao H. (2009) *Market Rebels: How Activists Make or Break Radical Innovations*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Rao H., Morrill C., Zald M. (2000) Power Plays: How Social Movements and Collective Action Create New Organizational Forms. *Research in Organizational Behavior*, vol. 22, pp. 237–281.
- Rosenberg H. (1958) *Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Sabatier P. (ed.) (2007) *Theories of the Policy Process*, Boulder, CO: Westview Press.
- Sallaz J., Zavisca J. (2007) Bourdieu in American Sociology, 1980–2004. *Annual Review of Sociology*, vol. 33, pp. 21–41.
- Scharpf F. (1997) *Games Real Actors Play: Actor-Centered Institutionalism in Policy Research*, Boulder, CO: Westview Press.
- Schneiberg M., Soule S. (2005) Institutionalization as a Contested, Multilevel Process: The Case of Rate Regulation in American Fire Insurance. *Social Movements and Organization Theory* (eds. G. Davis, D. McAdam, W. R. Scott, M. Zald), Cambridge, UK: Cambridge University Press, pp. 122–160.
- Scott W. R. (2001) *Institutions and Organizations*. 2nd ed., Thousand Oaks, CA: SAGE.
- Scott W. R., Meyer J. (1983) The Organization of Societal Sectors. *Organizational Environments: Ritual and Rationality* (eds. J. Meyer, W. R. Scott), Beverly Hills, CA: SAGE, pp. 129–153.
- Sewell W. (1992) A Theory of Structure: Duality, Agency, and Transformation. *American Journal of Sociology*, vol. 98, no 1, pp. 1–29.
- Smith J. (2002) Bridging Global Divides? Strategic Framing and Solidarity in Transnational Social Movement Organizations. *International Sociology*, vol. 17, no 4, pp. 505–528.
- Snow D., Benford R. (1988) Ideology, Frame Resonance, and Participant Mobilization. *From Structure to Action: Comparing Social Movement Research Across Cultures*. Book series: International Social Movement Research, vol. 1 (eds. B. Klandermans, H. Kriesi, S. Tarrow), Greenwich, CT: JAI Press, pp. 197–218.
- Snow D., Rochford E. B., Worden S., Benford R. (1986) Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation. *American Sociological Review*, vol. 51, no 4, pp. 464–481.
- Steinmo S., Thelen K., Longstreth F. (eds) (1992) *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Strang D., Soule S. (1998) Diffusion in Organizations and Social Movements: From Hybrid Corn to Poison Pills. *Annual Review of Sociology*, vol. 24, pp. 265–290.
- Stryker R. (1994) Rules, Resources, and Legitimacy Processes: Some Implications for Social Conflict, Order, and Change. *American Journal of Sociology*, vol. 99, no 4, pp. 847–910.

- Swaminathan A., Wade J. (2001) Social Movement Theory and the Evolution of New Organizational Forms. *The Entrepreneurship Dynamic: Origins of Entrepreneurship and the Evolution of Industries* (eds. C. B. Schoonhoven, E. Romanelli), Stanford, CA: Stanford University Press, pp. 286–313.
- Tarrow S. (2011) *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd ed., Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Tilly C. (1978) *From Mobilization to Revolution*, Reading, MA: Addison-Wesley.
- Uzzi B. (1996) The Sources and Consequences of Embeddedness for the Economic Performance of Organizations: The Network Effect. *American Sociological Review*, vol. 61, no 4, pp. 674–698.
- Wagner-Pacifici R. (2000) *Theorizing the Standoff: Contingency in Action*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Walder A. (2009a) *Fractured Rebellion: The Beijing Red Guard Movement*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Walder A. (2009b) Political Sociology and Social Movements. *Annual Review of Sociology*, vol. 35, pp. 393–412.
- Weber K., Rao H., Thomas L. G. (2009) From Streets to Suites: How the Anti-Biotech Movement Affected German Pharmaceutical Firms. *American Sociological Review*, vol. 74, no 1, pp. 106–127.
- White H. (1992) *Identity and Control: A Structural Theory of Social Action*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

Received: November 1, 2021

Citation: Fligstein N., McAdam D. 2022. Teoriya poley [A Theory of Fields (Excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 23, no 1, pp. 60–100. doi: [10.17323/1726-3247-2022-1-60-100](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2022-1-60-100) (in Russian).